

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

**РОЛЬ И МЕСТО «ИМПЕРСКОЙ ИДЕИ» В МЕНТАЛИТЕТЕ ДРЕВНЕРИМСКОГО
ОБЩЕСТВА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 46.03.01 История
очной формы обучения, группы 02031403
Гудкова Никиты Александровича

Научный руководитель
к.и.н., доцент
Литовченко Е.В.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|--|-------|
| ВВЕДЕНИЕ | 3-18 |
| Глава I. Трансформация древнеримского менталитета | 19-35 |
| 1.1. Республиканский менталитет..... | 19-22 |
| 1.2. Причины трансформации древнеримского менталитета и предпосылки зарождения «имперской» идеологии | 22-27 |
| 1.3. Имперский менталитет в период Раннего Принципата..... | 27-35 |
| Глава II. «Имперская» идеология Рима | 36-60 |
| 2.1. «Римский миф» как прообраз «имперской идеи»..... | 36-43 |
| 2.2. Правовое оформление власти принцепса и «идеологии» императорского Рима в рамках Принципата..... | 43-52 |
| 2.3. Структура «имперской» идеи..... | 52-60 |
| Глава III. Трансформация «имперской идеи» в I-II вв. н.э. | 61-81 |
| 3.1. Идеология «восстановленной республики» в произведениях поэтов и писателей периода Раннего Принципата..... | 61-68 |
| 3.2. «Имперская идея» как идеология абсолютистского режима..... | 68-81 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ | 82-87 |
| БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК | 88-99 |

ВВЕДЕНИЕ

Тема настоящего исследования – «Роль и место «имперской идеи» в менталитете древнеримского общества».

Сфере идеологии при изучении античной эпохи уделялось достаточно мало внимания. Лишь события XX века - образование тоталитарных государств, расцвет пропаганды и средств манипуляции массовым сознанием заставили исследователей обратить более пристальное внимание на такой серьезный инструмент воздействия, как идеология.

В то же время, в курсах истории, посвященной античной цивилизации, до сих пор недостаточно полно рассматривается идеологический аспект, уступая место более масштабным политическим и экономическим событиям.

Идеология рассматривается как фон, дополняющий те или иные события, как «оболочка» вокруг политических режимов, сопровождение решений и заявлений политиков и других государственных деятелей.

Однако по ходу нашего исследования мы убедимся, что идеология выступает не просто фоном, а зачастую стержнем политической власти, основой легитимности политической системы, краеугольным камнем политического режима.

Более того, на примере древнеримского общества, мы покажем, что идеология («имперская идея» в римском варианте) как форма общественного сознания, основывается на эмоциональных и культурных особенностях, системе ценностей, определяющих мировоззрение и мироощущение народа, т.е. на менталитете общества. В то же время, идеология находится в рамках политической культуры общества. Обоснование и анализ связи менталитета, политической культуры и идеологии является одной из основных задач данного исследования.

Актуальность исследования обуславливается тем, что и в современном мире идеология является одним из основных инструментов

манипуляции массовым сознанием. Более того, в информационном обществе, где средства связи и коммуникации играют все более важную роль, пропаганда и идеологическое воздействие требуют все более серьезного изучения и осмысления на новом уровне.

При изучении римской истории, разработка темы «имперской идеи» является тем более актуальной, т.к. позволяет по новому взглянуть на период кризиса Поздней республики, выявить причинно-следственные связи установления политического режима Принципата и понять обоснование легитимности положения императора в общественном сознании римлян. Именно идеология является ключом к пониманию проблемы установления единоличной власти и трансформации древнеримского менталитета.

Цель работы - анализ роли и места «имперской идеи» в менталитете древнеримского общества, установление связи между идеологией, менталитетом и политической культурой.

В соответствии с поставленной целью, нами были сформулированы следующие **задачи**:

- Охарактеризовать основные черты менталитета древнеримского общества периода Поздней республики.
- Выявить причины трансформации древнеримского менталитета и предпосылки зарождения «имперской» идеологии.
- Проследить изменения в менталитете древнеримского общества в период раннего Принципата.
- Проанализировать идеи и мифы, предшествовавшие появлению «имперской идеи», а также установить связь между ними.
- Рассмотреть процесс правового оформления власти принцепса и «идеологии» императорского Рима в рамках Принципата.
- Рассмотреть структуру «имперской идеи», на основе выявленных правовых оснований императорской власти охарактеризовать сущность «имперской идеи».

- Проанализировать отношение общества к «имперской идее» через произведения поэтов и писателей периода Раннего Принципата.

- Обозначить динамику превращения «Имперской идеи» в идеологию абсолютистского режима.

Объектом исследования является идеология римского общества и менталитет древнеримского общества Поздней республики и периода Принципата.

Предметом исследования является процесс трансформации системы ценностей римлян в период кризиса республики, обусловивший генезис, становление и развитие «имперской идеи».

Хронологические рамки исследования – период Поздней республики – период Принципата (II в. до н.э. – II в. н.э.). Столь широкие для исторического исследования рамки обусловлены временем кризиса Республики, трансформации римской системы ценностей, становлением и развитием политической системы Принципата, приведшей к серьезным сдвигам в идеологии древнеримского общества. Данный процесс сопровождался постепенной эволюцией «имперской идеи» на протяжении указанного времени.

Методологическая база исследования.

Данное исследование построено на комплексной методологической базе, включающей методы исторической психологии, интеллектуальной истории, а так же формационного подхода.

В нашей работе, рассматривая римскую идеологию – «имперскую идею», необходимо особое внимание уделить ментальности древнего римлянина, связи идеологии и менталитета, а также обусловленности изменения идеологии трансформацией менталитета. Поэтому в работе использована методология *исторической психологии* (В. Шкуратов¹, Е. Боброва²), которая подразумевает: 1) изучение психологического склада

¹ Шкуратов В.А. Историческая психология. - М., 1997. – 505 с.

² Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. – СПб., 1997. – 557 с.

отдельных исторических эпох, в частности, республиканской и имперской эпохи римского государства; 2) в основе представления о взаимодействии истории и психики человека лежит идея об активной роли человека в историческом процессе.

Важной для нашей работы является концепция *интеллектуальной истории*. Данная теория разработана американским историком и философом Артуром Лавджоем³. Среди отечественных исследователей по данному направлению необходимо отметить работу Л.П. Репиной⁴. В основе методологии лежит метод рассмотрения литературных произведений, аутентичных эпохи, в историческом контексте. С помощью этого, мы сможем увидеть становление и развитие «имперской» идеологии посредством анализа литературного наследия римской элиты. Также этот метод поможет нам проследить эволюцию римской системы ценностей.

Рассматривая идеологию как явление, необходимо не забыть о причинах ее появления. По нашему мнению, трансформация древнеримского менталитета во многом обусловило рождение «имперской идеи». В свою очередь, изменения менталитета древнеримского общества были вызваны чисто экономическими причинами – расширением территории, ростом экономики, эксплуатацией соседних народов, привозом рабов, социальной дифференциацией древнеримского общества. Именно поэтому есть все основания предполагать, не ударяясь в чистый материализм, что явления «духовной» сферы во многом обусловлены экономическим состоянием общества и уровнем развития производительных сил. В связи с этим, в данном исследовании используются элементы *формационного подхода* к пониманию истории, а именно законы материалистической диалектики, позволяющие увидеть противоречия развития древнеримского общества. Прежде всего, это противоречие между уровнем производительных сил и

³ Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антониони. – М., 2001. – 376 с.

⁴ Интеллектуальные традиции Античности и Средневековья / Под ред. М. С. Петровой и Л.П. Репиной. – М., 2010. – С. 151.

существующими в рамках полиса производственными отношениями, вызвавшими трансформацию древнеримского менталитета и появление «имперской идеологии».

При анализе исторических источников был использован **комплексный подход**. Учитывая данный методологический подход, мы считаем необходимым использование в данной работе следующих **методов**:

Общенаучные методы **анализа, синтеза, классификации, обобщения и типологии**, с помощью которых нам удалось идентифицировать признаки «имперской идеи».

Помимо общенаучных, предполагается использование исторических методов, в частности, **историко-генетического**, показывающего эволюцию явления «имперской идеи» на протяжении существования Принципата; **историко-типологического**, для определения характерных черт, общего и особенного в «имперской» идее в период Позднего Принципата по сравнению с «имперской идеей» Раннего Принципата.

Источниковая база

В процессе подготовки данной работы был выявлен и отобран комплекс источников по заданной тематике. В первую очередь, мы опирались на письменную римскую и греческую традиции. Интерес для исследования представляли латинские сочинения следующих античных авторов: Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий, Октавиан Август, Плутарх, Светоний, Дион Кассий, Корнелий Тацит, Веллей Патеркул, Аппиан, Вергилий, Овидий, Петроний Арбитр, Плиний Младший, Децим Юний Ювенал.

Следует выделить две группы источников: исторические сочинения и художественно-литературные произведения.

I. К историческим сочинениям относятся работы Дионисия Галикарнасского, Тита Ливия, Плутарха, Октавиана Августа, Диона Кассия, Корнелия Тацита, Аппиана и др. Исторические сочинения как исторический источник имеют определенные особенности (широкий круг рассматриваемых

проблем, стремление к объективности, претензия на научность, изложения), которые и позволяют выделить данные источники в отдельную группу.

«Римские древности»⁵ Дионисия Галикарнасского. Дионисий (60 г. до н. э. - около 7 г. до н. э.) - древнегреческий историк, ритор и критик. Его труд был написан на греческом языке в конце I века до н.э. Это одно из немногих античных сочинений, которые дошли до наших дней, содержащее последовательное изложение римской истории с древнейших времен. Сохранилось оно не полностью. Однако первые книги остались. Это особенно важно, так как в этих книгах описано древнеримское общество, его ценности и нравы. Также Дионисий одним из первых авторов подробно описывает зарождение клиентелы.

«История от основания города» Тита Ливия (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) - основное произведение древнеримского историка, один из самых известных и фундаментальных трудов по истории Древнего Рима. Тит Ливий начал писать эту работу приблизительно в 30 г. до н.э. Его труд охватывает периоды от традиционной даты основания Рима (753 г. до н.э.) до 9 года н.э. Из 142 книг полностью сохранились 35. Данный труд содержит информацию о внутривластных изменениях римского общественного строя и зарождении элементов «имперской идеи»;

«Деяния божественного Августа» Октавиана Августа⁶ в латинской и греческой версии известны по надписи из Анкары (Monumentum Ancyranum), открытой в 1555 г. послами императора Фердинанда II к султану Сулейману. *Res Gestae Divi Augusti* — краткая автобиография первого римского императора Октавиана Августа. «Деяния» состоят из введения, 35 параграфов и четырёх пунктов в приложении. Хронология событий, упомянутых в «Деяниях», начинается с 44 года до н. э. Деяния являются своеобразным подведением итогов установления империи, политическим

⁵ Дионисий Галикарнасский. Римские древности / Перевод И.Л. Маяк. – М., 2005 – 872 с.

⁶ Октавиан Август. Augustus. Res gestae divi Augusti / Ed. Gaje J. Paris. 1935. Октавиан Август. Деяния божественного Августа - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1316006572>

завещаниям Октавиана Августа, манифестом «идеологии» Раннего Принципата.

«Сравнительные жизнеописания»⁷ - произведение древнегреческого писателя Плутарха (46-127 г. н.э.), состоящее из двадцати двух парных биографий известных греков и римлян. При анализе источника существует сложность датировки написания. Считается, что отдельные биографии написаны еще в 70-е гг. н.э., однако последние из них были написаны уже в последние годы жизни автора, 110-120 гг. н.э. Для нас важен данный источник тем, что он содержит подробные сведения о политической истории Рима, характеристику «хорошего» и «плохого» правителя. Информация этого труда позволяет установить определенные черты менталитета интеллектуальной элиты эпохи Принципата.

«Жизнь двенадцати цезарей»⁸ - основной труд древнеримского историка Светония (70-122 гг. н.э.), написанный на латинском языке в его бытность секретарём императора Адриана (ок. 121 г.). Представляет собой сборник биографий Юлия Цезаря и 11 первых римских принцепсов, от Августа до Домициана. Помимо важнейших биографических сведений, данный источник позволяет проследить важные идеологические и политические вещи, такие как культ императора.

«Римская история» Диона Кассий⁹ (155-230 гг. н.э.). В основе структуры «Римской истории» лежит деление на декады (разделы по десять книг), которых насчитывается восемь. Сохранились книги далеко не полностью. Началом каждой декады становится некое глобальное событие — Первая Пуническая война, битва при Акци и др. Подробнее всего в

⁷ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги / Пер. с древнегреч. Сост. С. Аверинцев, вступ. статья А. Лосева, коммент. А. Столярова. - М., 1998. - 672 с.

⁸ Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат., предисл и примеч. М.Л. Гаспарова. - М., 2000. - 944 с.

⁹ Дион Кассий. Cassius Dio. Roman History - URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Cassius_Dio. Дион Кассий. Римская история / Пер. с англ. С. Э. Таривердиевой и О. В. Любимовой. - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1340546952>

сохранившихся частях труда Диона описаны события I века до н. э. — времени перехода от Римской республики к империи. Именно этот период позволяет нам увидеть изменения политического строя во время правления Октавиана Августа.

«Анналы», «История» Корнелия Тацита¹⁰ (50-120 гг.н.э.). Корнелий Тацит - древнеримский историк, один из самых известных писателей античности. Автор двух больших исторических трудов, указанных выше. Написание «Истории» в современной историографии датируется 109 г. н.э. Анналы были написаны примерно в 110-113 гг. н.э. Описанные в этих книгах события сообщают нам о политической истории Рима и императорской династии в период Принципата. Так же интерес скептический взгляд автора на саму систему Принципата. Тацит критикует правление многих принцевов, однако еще более яростной критике он подвергает сенат – оплот «республиканских» настроений в период Принципата.

«Римская история» Веллея Патеркула¹¹ (19 г. до н.э. – 31 г. н.э.) состоит из двух книг, излагающих события от Троянской войны до 30 г. н.э. Особенно подробно описаны времена Августа в виде биографических очерков выдающихся деятелей. Так же в данном труде содержится описание восстания паннонских и германских легионов, определенная характеристика системы Раннего Принципата.

«Римская история» Аппиана¹² (95 – 170 г.н.э.). Примерно в 160-170 гг. н.э. Аппиан написал по-гречески историю Рима, которая хронологически охватывала период от древних времён до современной ему эпохи. В своём труде он описывает историю различных территорий до их присоединения к

¹⁰ Тацит. Анналы; История [пер. с лат. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе]. – М., 2012. – 896 с.

¹¹ Веллей Патеркул. *Velleus Paterculus Historiae Romanae*/ Ed. Halm. Leipzig, 1876. Веллей Патеркул. Римская история. А. И. Немировский, М. Ф. Дашкова — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 211 с. - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1425001000>

¹² Аппиан. Римская история. *Appiani Historia Romana* / Ed. P. Viereck, A.G. Roos, E. Gabba. Lipsiae: In aedibus B.C. Teubneri, 1962. Аммиан Марцеллин. Римская история. Пер. С. Кондратьева - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/appian/>

Риму в том порядке, в каком они подпадали под власть Рима. Всего Аппиан написал 24 книги, однако до наших дней дошли целиком лишь книги VI—VIII и XII—XVII. В сохранившихся книгах для нас особенно важно то, что в них показана гражданская и идеологическая борьба Древнего Рима в период становления Принципата.

II. К художественно-литературным произведениям относятся произведения, в первую очередь, поэтов и писателей рассматриваемого хронологического периода, такие как творчество Вергилия, Горация, Овидия, Петрония Арбитра, Ювенала и т.д. К особенностям данного типа исторических источников относятся повышенная эмоциональность, гиперболизация в ущерб объективности и т.д., что так же позволяет идентифицировать данные источники в отдельную группу.

«Буколики», «Георгики» Вергилия¹³ (70 г. до н.э. – 19 г. н.э.), Горация¹⁴ (65 – 8 гг. до н.э.), Овидия¹⁵ (43 г. до н.э. – 17 г.н.э.). Следует учитывать определенные претенциозность авторов в восхвалении Принципата Августа, т.к. Гораций и Вергилий были приближены к двору и их труды щедро оплачивались. Овидий же интересен тем, что был выслан за пределы Рима за свою литературную деятельность. В творчестве писателей эпохи Раннего Принципата отражено отношение общества к «имперской идее». Так же литературная деятельность данных авторов может рассматриваться как форма пропагандистской, заказной литературы.

О провинциальной жизни, хорошо показывающей менталитет древнеримского общества эпохи Принципата, хорошо написано в

¹³ Вергилий. Virgil Eclogues. Georgics. Aeneid / A. Forbiger, 1873 Вергилий. Энеида. Буколики. Георгики Москва, 1979. Перевод с латинского С. В. Шервинского- URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1375100001>

¹⁴ Гораций. Horatius Carmina. Epodi / Ed. T. Babington. 1881. Гораций. Римские оды - URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/horatius/index.htm>

¹⁵ Овидий. Ovid amoris scientiam. // Loeb Classical Library URL - <https://www.loebclassics.com>. Овидий. Наука любви / Пер. и комментарий М. Л. Гаспарова- URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1303674101>

«Сатириконе»¹⁶ Петрония Арбитра. Сатирическое произведение об авантюристских приключениях молодых людей содержит образ нравов и моральных устоев римлян, что позволяет дополнить образ менталитета эпохи империи.

Заслуживающим внимания источником являются сочинения и письма Плиния Младшего¹⁷ (61 – 113 гг. н.э.) – профессионального адвоката и талантливое писателя своего времени. Между 97 и 109 годами Плиний опубликовал 9 книг своих писем. Для нас важно, в первую очередь, описание в данных трудах точных деталей политического устройства при трех императорах – Домициане, Траяне и Нерве.

Резкая критика менталитета древнеримского общества содержится в сатирах Децима Юния Ювенала¹⁸ (60-127 гг. н.э.). Его труды открывают картину повседневной жизни древнеримского общества и все более усиливающегося социального неравенства в нем. При этом, Ювенал с презрением относится как к богачам, так и к бедному населению, критикуя основы римской системы ценностей.

Таким образом, источниковая база является довольно обширной и разнообразной, позволяющей нам проанализировать идеологическую сферу римского общества и прийти к достоверным и обоснованным выводам.

Историография исследования.

Специфика историографии по выбранной нами теме заключается в небольшом количестве специальных работ, посвященных данной проблеме. Существуют исследования, затрагивающие тот или иной аспект выбранной нами проблемы, но комплексного описания данного явления нет. В связи с этим, все работы, которые были использованы в исследовании, мы разделили

¹⁶ Петроний. Сатирикон // Римская сатира / Перевод А. К. Гаврилов, Б. И. Ярхо. – М., 1989. – 544 с.

¹⁷ Письма Плиния Младшего / Пер. М. Е. Сергеенко (кн. I—VI, X), А. И. Доватура (кн. VII—IX), В. С. Соколова («Панегирик Траяну»). – М.-Л., 1950. – 926 с.

¹⁸ Децим Юний Ювенал. Сатиры. / Перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского. – М.-Л., 1937. – 158 с.

на две большие группы: работы *отечественных* и *зарубежных* авторов. В каждой группе можно выделить ещё три подгруппы на *общие* работы по *римской истории*, *труды по эпохе Принципата*, работы, рассматривающие *римский менталитет* или *элементы «имперской идеи»*.

Для того, чтобы более широко и полно исследовать менталитет древних римлян, их настроения, в первую очередь, необходимо познакомиться с периодом Поздней Республики и Раннего Принципата, с атмосферой, которая царила в те времена. Поэтому в данной работе были использованы труды общего характера по данным периодам римской истории.

Ценными для нашего исследования являются работы по истории Рима зарубежных авторов.

Труд Т. Моммзена «История Рима»¹⁹ (1854-1856 гг.) написан как популярная работа. Он освещает все стороны римской жизни, но главное место отводит политической истории. Обзоры состояния религии, права, нравов, литературы и идеологии даются лишь внешне в связи с политической историей. Данный труд полезен своей информативностью, но главная его заслуга для нашей темы заключается в раскрытии в нем правовых основ императорской власти.

В 1864 г. появилась книга Ньюма-Дени Фюстель де Куланжа «Гражданская община античного мира»²⁰. Автор по своим философским воззрениям был позитивистом, и его работа демонстрировала зависимость общественного строя от человеческого мышления. Основой римской цивилизации, по мнению автора, являлась религия, культ предков, а также система ценностей древнеримского общества, базировавшаяся на патриотизме и благочестии. Использованный подход помогает нам лучше понять менталитет древнеримского общества.

¹⁹ Моммзен Т. История Рима. Том III. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. - М., 2005. - 432 с.

²⁰ Фюстель де Куланж Н.-Д. Гражданская община древнего мира. - СПб, 1906. – 459 с.

Особое внимание на взаимосвязь и обусловленность духовных, в частности идеологических процессов экономикой обратил К. Маркс. В работе Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству»²¹, разбирается вопрос о характере античной собственности, о раннем утверждении в Риме частной собственности, что особенно важно нам для понимания причин процесса трансформации древнеримского менталитета.

В конце XIX в. появляется работа Г. Ферреро «Величие и падение Рима»²². Главное внимание автор уделил концу Римской республики. Ферреро испытал на себе некоторое влияние марксизма. Для нас интересным представляется выявленные автором причины трансформации древнеримского менталитета – рост крупного землевладения, пролетаризация населения, деградация высшего сословия и распространение неумеренной роскоши.

Л. Фридлендер в работе «Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов»²³ фокусирует свое внимание на римской повседневности. Много внимания Л. Фридлендер уделил привычкам римской знати и особенности их отношений с более низшими сословиями. Именно представленный анализ менталитета древнеримского общества делает данную работу актуальной для нашего исследования.

Современный взгляд на проблему кризиса республики представлен в труде Мэри Бирд «История Древнего Рима»²⁴, в котором изложение римской истории доводится до «кризиса III века». В данном исследовании напрямую ставится вопрос о трансформации политической системы Рима, перехода от республики к Принципату и дальнейшей его эволюции.

²¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Пролетарская революция. - № 3. – 1939. – С. 150-186.

²² Ферреро Г. Величие и падение Рима. – СПб., 2016 – 480 с.

²³ Фридлендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов / Перевод Ф. Зелинского. – Санкт-Петербург, 1914. – 384 с.

²⁴ Бирд М. История Древнего Рима – М., 2017 – 696 с.

Для более глубокого понимания идеологической и ментальной трансформации древнеримского общества мы использовали и систематические работы по истории Древнего Рима отечественных историков. Это курс лекций С.И. Ковалева²⁵, исследования А.И. Немировского²⁶.

Для понимания социальных процессов в период Принципата необходимым представляется труд Р.Ю. Виппера «Римская цивилизация»²⁷. Помимо вскрытия социальной подоплеки политических изменений, сделан вывод об изначальном римском «империализме» со времен республики.

К *специальным* работам можно отнести статью Г.Г. Пикова «Исторические термины и историческая действительность (Империя как феномен европейской истории)²⁸», в которой автор выделяет и раскрывает признаки, присущие государству имперского типа.

Работы Ю.Г. Чернышева «К вопросу о содержании «государственной идеологии» в Римской империи²⁹» и «Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме³⁰» интересны тем, что автор глубокого рассматривает изменения духовной жизни римского общества, вплотную приближаясь к «имперской» идеи. Более того, Чернышев выделяет и описывает некоторые элементы государственной «идеологии» Рима, что напрямую связано с темой нашего исследования.

²⁵ Ковалев С. И. История Рима. Курс лекций. – Л., 1986. – 744 с.

²⁶ Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. – Воронеж, 1962. – 303 с.

²⁷ Виппер Р.Ю. Римская цивилизация. – Москва, 2017 – 416 с.

²⁸ Пиков Г.Г. Исторические термины и историческая действительность (Империя как феномен европейской истории) // Гуманитарное образование в Сибири. - Новосибирск, 2000. - С. 103-121.

²⁹ Чернышев Ю.Г. К вопросу о содержании «государственной» идеологии в Римской империи // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, 5-7 марта 2001 г. СПбГУ. - СПб., 2001. – URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/chernysh.htm>.

³⁰ Чернышев Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме: В 2 ч. Ч. 1: До установления принципата. Изд. 2-е, испр. и доп. — Новосибирск, изд-во Новосибирского ун-та, 1994. - 176 с.; Ч. 2: Ранний принципат. Изд. 2-е, испр. и доп. — Новосибирск, 1994. - 167 с.

Не менее интересна статья А.Б. Егорова «Проблема титулатуры римских императоров³¹», которая раскрывает сущность принципата на примере титула императоров. Другая работа Егорова – «Культ личности и культ государства в религиозном почитании императоров I в. н.э.³²» дает представление о смысле и роли личности и статуса императора Рима, возведенного в культ.

Погружаясь все более в сущность римского менталитета, невозможно обойти стороной исследование Г.С. Кнабе «Диалектика повседневности»³³, в которой автор демонстрирует всю двойственность римского быта и традиций. Г.С. Кнабе также доказывает, что римлянам был присущ особый характер, который, тем не менее, трудно выделить и идентифицировать, поскольку один из его признаков – переменчивость и постоянный поиск новых форм.

Классическую точку зрения советской историографии представляет работа Е.М. Штаерман «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи»³⁴, в которой автор рассматривает порочные проявления римской повседневности и трансформацию римского менталитета через религию – как защитную реакцию со стороны «угнетенных слоев населения».

Можно сделать вывод, что специфика историографии по интересующей нас проблеме состоит в том, что работы, зачастую, носят обобщающий характер. Мы можем опираться на хорошо изученную и описанную в обширной историографии политическую историю периода Принципата, но в отношении трансформации «имперской идеи» мы найдем лишь только отдельные изученные аспекты. Это объясняется тем, что анализ

³¹ Егоров А.Б. Проблема титулатуры римских императоров // Вестник древней истории. - № 2, 1988. - С. 161-172.

³² Егоров А.Б. Культ личности и культ государства в религиозном почитании императоров I в. н.э. / А.Б. Егоров - URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon/2004/egorov.htm#3>

³³ Кнабе Г.С. Диалектика повседневности. Материалы и лекции по истории культуры и культуры античного Рима. – М., 1994. – 56 с.

³⁴ Штаерман, Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. – М., 1961. – 324 с.

«имперской» идеи сопровождается рядом проблем, таких как сложность выделения основных идеологем, составляющих римскую идеологию и их структурирование. Это усугубляется размытостью границ смежных идей, таких как «республиканизм» и «традиционализм», а также неоднозначностью толкования «имперской идеи» в историографии. Все это определило ситуацию, в которой «имперская» идея как таковая не была четко идентифицирована, также не описана трансформация «имперской идеи», ее переход от формы идеологии «восстановленной» республики Раннего Принципата к «имперской идее» Позднего Принципата, когда ее роль качественно изменилась. Нами была сделана попытка обозначить этот переход и показать изменения, произошедшие в идеологии Рима в период Принципата, более того, мы попытались показать связь между трансформацией древнеримского менталитета и появлением «имперской идеи», в чем и заключается **новизна** работы.

Практическая значимость дипломного исследования заключается в том, что материалы и результаты выпускной квалификационной работы могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по широкому кругу вопросов, касающихся трансформации древнеримского менталитета периода Поздней Республики и Раннего Принципата; появления, становления и развития «имперской идеи».

Структура определяется целью и задачами, поставленными в дипломной работе. Структура включает в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение и библиографический список.

Апробация результатов исследования осуществлялась в выступлениях автора на международных научных конференциях: «Белгородский диалог» (Белгород, 2016, 2018), «Классическая и византийская традиция» (Белгород, 2015, 2016, 2017), «Традиционные культуры народов мира» (Белгород, 2018), по итогам участия в которых имеется 5 публикаций, посвященных указанной тематике:

1. Гудков Н.А. Миф о «золотом веке» в Древнем Риме в контексте «имперской идеи» (I в. до н.э.-I в. н.э.) // Белгородский диалог. 2016. Сборник материалов VIII Международного молодёжного научного форума. – Белгород, 2016. – С. 32-35.
2. Гудков Н.А. «Имперская идея» в Древнем Риме: основные компоненты // Классическая и византийская традиция. 2015. Материалы IX международной научной конференции. – Белгород, 2015. – С. 38-42.
3. Гудков Н.А. Образ «идеального оратора» по «Трем трактатам об ораторском искусстве» Марка Туллия Цицерона // Классическая и византийская традиция. 2016. Материалы X международной научной конференции. – Белгород, 2016. – С. 39-43.
4. Гудков Н.А. «Имперская идея» в менталитете древнеримского общества эпохи Принципата // Классическая и византийская традиция. 2017. Материалы XI международной научной конференции. – Белгород, 2017. – С. 106-114.
5. Гудков Н.А. Ментальная революция древнеримского общества в период Поздней республики // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Материалы международной научно-практической конференции. 2-3 марта 2018. – Белгород: Политерра, 2018. - С. 286-290.

Глава I. Трансформация древнеримского менталитета

1.1. Республиканский менталитет

Вся история Рима есть история завоеваний и побед, постоянной территориальной экспансии и стремлений к «мировому» господству. Еще будучи жителями маленького полиса в Лации, окруженного воинственными соседями, римский народ был вынужден постоянно бороться за свое существование, захватывать и удерживать чужие города и земли, нападать и защищаться. Рим мог либо победить, либо умереть.

Ключевая задача данного параграфа - анализ динамических процессов, приведших к трансформации ментальности древнеримского общества, следствием которой явились фундаментальные изменения общественного сознания. Для решения задачи нам необходимо ответить на вопросы: «Что послужило залогом успеха? Как смог маленький город стать главным на Апеннинском полуострове, а затем и во всем Средиземноморье? Каким образом этот малоизвестный полис смог конкурировать с Грецией, Карфагеном, Македонией и другими сильнейшими государствами той эпохи? Что помогло Риму войти в историю образцом государственного устройства, рациональности, величия? Почему Рим остался в сознании мировой цивилизации непревзойденной империей?» Ответ кроется в менталитете древних римлян, изменение которого сопровождалось революционными изменениями в римском обществе.

На заре своей истории римская цивилизация находилось на более низкой ступени развития, чем ее соседи. Римское общество являлось аграрным, патриархальным, традиционным образованием, чей консерватизм был обусловлен мировосприятием членов аграрной общины – *civitas*. В их сознании были заложены цикличность и постоянство, связанные с сельскохозяйственным циклом. В основе патриархальной системы ценностей римского общества лежали «нравы предков» - *mores maiorum*. Именно *mores*

maiorum определяли поведение римлян и в религии, и в быту, и в общественной жизни, и в политике. Эти нормы, унаследованные от «отцов», являлись нерушимыми и сакральными. В результате вся традиционная система ценностей римского гражданина была основана на идее продолжении дела их предков, боровшихся за процветание Римского государства. Итальянский историк Гульельмо Ферреро даже сравнивал римское общество с монашескими орденами, «где мы находим остроумные комбинации обучения, примеров, надзора и взаимных угроз; благодаря этому небольшая группа людей, подвергая каждого из своих членов тирании мнений и чувств всей общины... заставляла их обнаруживать, по крайней мере, в некоторых делах, более ревности, самоотвержения и дисциплины, чем можно было бы ожидать от каждого взятого в отдельности...к этому были направлены требования общественного мнения, которые безжалостно применялись отцами к детям, мужьями к женам; наконец, сама семья была первой школой этой суровой дисциплины душ»³⁵.

Работы античных авторов помогают нам понять систему ценностей древнего римлянина. Плутарх, например, выделял суровость, твердость духа и эмоциональную сдержанность как отличительные черты римлян³⁶. Вергилий указывал на римское благочестие – *pietas*, приводя в пример почитание Энеем богов (*Aen.*, I, 220; I, 378-380; II, 397). Луцилий говорил о римском благочестии - *fides* (*Lucilius. C. Saturae* 27). Цицерон считал главными в характере римского гражданина доблесть – *virtus*, благоразумие, умеренность – *modestia* и самопожертвование - *abnegation* (*Cic. Pro Mur.*, 10, 22; *De rep.*, I, 33).

Более того, одной из высших ценностей в римском обществе, основанного на гражданско-общинных связях и неразрывно связанного с главными моральными ценностями римского народа, было особое понимание государства. Наиболее полно и емко эта идея была сформулирована

³⁵ Ферреро Г. Указ соч. – С. 5.

³⁶ Плутарх. Указ. соч. - С. 376.

Цицероном. По словам оратора, «из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством...отечество одно охватило все привязанности всех людей. Какой честный человек поколеблется пойти за него на смерть, если он этим принесет ему пользу?» (De off. I. 17. 57). «Государство охватывает всю нашу гражданскую общину. За нее мы должны быть готовы умереть, ей полностью себя отдать, в нее вложить и ей как бы посвятить все свои достоинства» (De leg. II. 2. 5.).

Таким образом, мы видим, что менталитету древнеримского общества были присущи все те качества, которые позволили организовать сильнейший полис в Средиземноморье, а именно: железная дисциплина организации жизни, бережливость, простота нравов, суровая грубость, глубокий патриотизм, готовность к самопожертвованию во благо полиса. Активно пропагандируемые в мифологии и исторической традиции (легенда о Муции Сцеволе (Tit. Liv. Ab Urbe cond. II (12); Aur. Vict. De vir. III. XII), миф о братьях Горациях (Tit. Liv. Ab Urbe cond. I) и т.п.), на чем мы остановимся подробнее в следующей главе, эти качества позволили Риму уже к концу III столетия до н.э. господствовать над Италией, а к концу II в. до н.э. стать единоличным властителем «цивилизованного мира».

К указанному периоду естественной формой жизнедеятельности римского общества было постоянное стремление к завоеваниям или, выражаясь современным языком, чистейшей воды империализм. Тем более что его непрерывно стимулировала своими запросами формирующаяся демократия³⁷. И, если вследствие данной политики во внешней сфере, Рим стал крупнейшей державой того времени, то во внутренней политике новое положение Рима послужило основой для радикального перерождения патриархального гражданского общества в некое космополитическое единство эпохи Империи, проникнутое духом предпринимательства и

³⁷ Ферреро Г. Указ. соч. – С.10.

наживы. Как произошла эта смена ценностей? Объяснением этого являются материальные изменения в жизни римского общества.

На первом этапе римское общество предстает нам в виде военизированного «лагеря» суровых пахарей, окруженного кольцом врагов, вынужденного самой жизнью отстаивать и защищать свою независимость. В основе этого общества лежали нравы предков – *mores maiorum* – негласные, но в то же время нерушимые сакральные моральные требования к каждому отдельно взятому гражданину. В системе ценностей древнеримского общества этого периода наиболее четко выражены такие понятия как *pietas*, *fides*, *virtus*, *modestia* и *abnegation*.

1.2. Причины трансформации древнеримского менталитета и предпосылки зарождения «имперской» идеологии

После установления римской гегемонии в Италии, Рим контролировал территорию более пятидесяти тысяч квадратных миль, с населением около четырех миллионов человек³⁸. Наличие таких ресурсов позволило Риму вступить в открытое противостояние с сильнейшими державами того времени, а именно Карфагеном и эллинистическими царствами. Можно сказать, что Рим превращается в мировую державу³⁹. Серия кровопролитных войн привела к уничтожению указанных государств как таковых, а Римская республика получила мощнейшую материальную базу для дальнейшего развития за счет огромных контрибуций и разграбления эллинистических полисов (Liv. XXX. 37; XXXVIII. 38. 1; XLV. 29. 4.). В Риме начал образовываться так называемый нобилитет – патрицианско-плебейский класс из выходцев разбогатевших плебеев и старинных патрицианских родов. Многие из них наживались на войне, занимаясь поставкой товаров для военных нужд, торговлей, а также грабежом. В Риме появлялся слой богатых

³⁸ Азимов А. Римская республика. От семи царей до республиканского правления – М., 2003. – С. 93.

³⁹ Там же.

людей. В образовавшемся нобилитете ослаб старый антагонизм между всадниками и сенатом, между римской «буржуазией» и военной и политической знатью.

Но благосостояние и быстрые успехи торгового духа изменили мало-помалу старинный образ жизни⁴⁰. Вернувшиеся с Востока солдаты, крупные предприниматели, богатые арендаторы общественных земель не хотели более жить, как жили их предки. Это еще не значит, что древние нравы стали более утонченными или изнеженными: в Греции еще в 174 г. до н.э. презирали Рим как большую деревню без красивых улиц, без памятников и дворцов (Liv., XL, 5). В самом Риме дома знати были пока небольшими и лишенными украшений⁴¹, традиционное римское воспитание в духе жесткой дисциплины еще не смягчилось (Posid. in Ath., VI, 109). Однако процессы трансформации римского менталитета, вызванные изменением материальной жизни Рима, были уже необратимы.

Рост роскоши и потребностей способствовал распространению низменных страстей. Так долго сдерживаемая страсть к наслаждениям проявилась в грубых и животных аппетитах: обжорстве, тщеславии, чванстве ценными предметами и швырянии деньгами с целью показать, что они есть⁴². Хороший искусный повар в Риме ценился невероятно дорого (Liv., XXXIX, б.); прежние умеренные обеды превратились в банкеты с бесчисленными кушаньями, «Луккуловы пиры», для которых разыскивались самые экзотические блюда, вина из Греции, сосиски и соленые рыбы с Понта (Diod., XXXVII, 3), птицы и рыбы необыкновенной величины (Amm. Marc. XIV. 6, 4). Римские граждане в этот период позволяли себе показываться в пьяном виде в учреждениях государственного управления – Народных собраниях и магистратах (Macrob. Sat., III, 16). В этот период в Риме расцветает проституция всех видов. Красивые рабыни и красивые мальчики стоили

⁴⁰ Ферреро Г. Указ. соч. – С. 18

⁴¹ Friedlaender D. S. G. R. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit vom August bis zum Ausgang der Antonine. (6 Ausg.). - Leipzig, 1888 – P. 87.

⁴² Ферреро Г. Указ. соч. - С. 85.

очень дорого (Diod., XXXVII, 3, 5.)

Помимо этого, определенные изменения произошли и в области семейных отношений: дисциплина поколебалась; такое специфическое римское учреждение как домашний суд, на котором глава семейства наказывал и поощрял членов семьи за их поступки, практически перестал созываться. Благодаря материальному процветанию и возможностям, которые давала война, сыновья становились все более независимыми от отцов, уходя в дальние походы; женщины менее подчинялись власти мужей и опекунов и т.д. В эпоху правления Октавиана Августа именно женщина часто выступала инициатором развода. Римский философ Сенека укорял женщин в том, что некоторые из них измеряют годы своей прожитой жизни не числом сменившихся консулов, а числом сменившихся мужей. Нередко причиной развода могло стать стремление жены, которая предчувствовала возможное разорение мужа, спасти свою собственность. Подобная ситуация чаще всего встречалась в семьях римских политиков, занимавших высшие должности в государстве, т.к. высокий пост нередко был сопряжен с большими расходами. В одной из своих эпиграмм Марциал обличает римскую матрону, которая решила развестись с мужем из-за того, что он стал претором, так как по ее мнению этот пост мог привести к разорению семьи (Val. Mart. Epigr., X, 41)⁴³. Т.е. главный институт хранения нравов предков – римская семья, постепенно эволюционировал и изменялся пропорционально трансформации римского общества.

Следует сказать, что именно в этот период греческое влияние стало активно сказываться на всех сторонах римской жизни. Греческая культура распространилась в узкой среде знатных фамилий; язык и литература совершенствовались. При этом римляне не просто импортировали и

⁴³ Литовченко Е.В. К вопросу о динамике в сфере брачно-семейных отношений в Риме имперского периода // Общество. Гендер. История: сборник статей и тезисов докладов VI международной научной конференции. Декабрь 2014. – Липецк, 2014. – С. 64-65.

адаптировали греческую культуру – они помещали себя в ее традицию⁴⁴. Как заметил историк А. Момильяно, «римляне всегда судили о самих себе с оглядкой на греков»⁴⁵. Более того, римляне считали, что они наследники и хранители древнегреческой культуры, и «чтобы стать римлянином... прежде всего было необходимо понимать, говорить и мыслить по-гречески»⁴⁶.

Таким образом, по мере расширения территории Римской республики, накопления материальных благ и роскоши, менталитет древнеримского общества постоянно эволюционировал от старых римских ценностей до нравов торговой эпохи. Семья, как основной хранитель древнеримских традиций, утрачивала свою роль непререкаемого морального авторитета. Образовавшаяся знать – нобилитет, уже не являлась той аристократической римской знатью, готовой самоотверженно сражаться и погибать за общее дело – *Res Publica*. Новая знать несла в себе черты индивидуализма и эгоизма, частной наживы и потребительства. Плебс, в свою очередь, очень быстро потерял интерес к политической борьбе, оставив ее в руках небольшой олигархии, т.е. во власти богатых классов.

Однако часть римской интеллектуальной элиты решительно не хотела принимать происходящие перемены в римском обществе. Именно в этот момент возникает теория «упадка нравов». «Инстинкт самосохранения, который во все эпохи представляет такое большое сопротивление историческому движению и стремится избежать необходимых болезненных проявлений прогресса, пришел в смятение; со всех сторон поднялись жалобы, которые мудрые люди повторяют во все времена, когда меняются

⁴⁴ Махлаюк, А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского / А.В. Махлаюк. – 2014. – №1(1). – С. 288-299. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rimskiy-patriotizm-i-kulturnaya-identichnost-v-epohu-imperii>

⁴⁵ Momigliano A.D. *The Classical Foundations of Modern Historiography* / Ed. A.M. Meyer. - Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1991. - P. 107.

⁴⁶ Moatti Cl. *Translation, Migration, and Communication in the Roman Empire* // *Classical Antiquity*. - 2006. – P. 157.

цивилизации», отмечает Г. Ферреро⁴⁷. Просвещенные люди этого времени пытались провести некий синтез того, что было хорошего в старом обществе с тем, что неизбежно несли общественные перемены. В частности, предлагалось восстановить класс мелких собственников, поставлявших солдат (Plut. Tib. Gr., 8.), вернуть к древней простоте нравы аристократии (Aul. Gel., IV, 20), урегулировать семейные отношения, вернуться к практике многодетных семей (Ibid. I, 6). Однако законодательство не могло отрегулировать этот революционный поток изменений, вызванных римским империализмом. Принципы торговли, спекуляции и индивидуализма безжалостно вытесняли старые римские ценности. И к периоду гражданских войн римское общество представляло собой абсолютную антитезу тому древнему римскому обществу пахарей и воинов, которое захватило Апеннинский полуостров.

Таким образом, мы выяснили, что:

- Во-первых, римский менталитет на протяжении всей истории постоянно трансформировался параллельно и в зависимости от экономических изменений, происходивших в римском обществе.

- Во-вторых, можно выделить два этапа наиболее глубоких изменений в менталитете римского общества, условно привязав их к политической системе древнеримского общества – Республиканский этап и этап гражданских войн. Каждый из этих периодов характеризуется радикальной сменой моральной системы ценностей, принципов и мировоззрения древних римлян.

Этап гражданских войн являет собой революционные изменения в менталитете древнего Рима, то, что можно назвать настоящей ментальной революцией – радикальной сменой системы ценностей Римского общества вследствие огромных перемен в экономике римского полиса, вызванных успешной территориальной экспансией в духе римского империализма. Именно в этот период появляется теория «упадка нравов» как реакция на

⁴⁷ Ферреро Г. Указ. соч. – С. 31.

отход от «нравов предков», распространение религиозного неверия, моральный индифферентизм, политический оппортунизм и недисциплинированность, презрение к традициям и спекуляция.

Более того, на наш взгляд, гражданские войны стали закономерным этапом развития сознания римских граждан, как рядовых, так и власть имеющих. Легионеру, надеющемуся на получение земельного участка, или обычному земледельцу, разоренному и обездоленному, нужна была сила, которая могла бы решить все проблемы. Такой силой стали могущественные полководцы, авторитет и власть которых стали огромны. По нашему мнению, связь этого своеобразного "культа полководца" с "имперской идеей" очевидна, учитывая, что именно полководцы правили Римом в этот период, и, в последствии, один из них, Октавиан, стал императором.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что эпоха римской истории с середины III в. до н.э. до конца I в. до н.э. - время глубоких преобразований предшествующих структур, которые привели к созданию нового облика и сущности римского общества. Превращение Рима в Средиземноморскую римскую державу, т.е. принципиально новую государственную организацию, самым коренным образом повлияло на изменение римской идеологии. Взрыв традиционного полисно-общинного устройства требовал абсолютно иного управленческого подхода на базе принципиально новой идеологии.

1.3. Имперский менталитет

О периоде Принципата, политической системе Октавиана Августа и его времени написаны тысячи книг и статей. К идеологии императоров, получившей в историографии обозначение «имперская идея» так же обращались многие известные и крупные ученые, такие как

Е.М. Штаерман⁴⁸, Р. Сайм⁴⁹, С.Л. Утченко⁵⁰ и многие другие. Но в зачатку, рассматривая установление Принципата и провозглашение «имперской идеи», ученые обращали внимание на следствие, упуская из виду причину, не анализируя того, каким образом римские граждане, ненавидящие царей, не щадившие свои жизни за республику и ее ценности могли позволить установиться единоличному правлению. Каким образом это могло произойти? По нашему мнению, ответ кроется в изменившемся менталитете древнеримского общества, процесс трансформации которого и освещает данная статья.

Как уже отмечалось, древние называли «падением» изменения, вызванные прогрессом империалистического роста. Главная отрасль экономики Рима – земледелие, сделалось индустрией, требовавшей капиталов. Стоимость жизни, потребности в роскоши, увеличивались во всех классах из поколения в поколение. Развивалось ремесло и торговля, стремительно рос класс ремесленного пролетариата. В ментальной сфере рост благосостояния вызывал упадок интереса к политике, все меньше граждан посещали комиции, распространение получила продажа и покупка голосов избирателей. Единственная часть населения, которая продолжала интересоваться политикой, была римская беднота, которая усматривала в ней бесплатное развлечение, и которой богатые кандидаты на должности, время от времени, эти развлечения предоставляли. В этом период появляется лозунг *Panem et circenses* – хлеба и зрелищ. Политика сделалась уделом профессиональных честолюбивых политиков и дельцов, занимающихся скупкой голосов, вооруженными нападением на своих конкурентов, интригами и другими грязными методами политической борьбы.

Вышеуказанные процессы трансформации менталитета римского общества были усугублены людскими потерями в ходе гражданских войн.

⁴⁸ Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи - М., 1961. - 320 с.

⁴⁹ Syme R. Roman Revolution. - Oxford., 1939. – 568 p.

⁵⁰ Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. - М.,1977. – 257 с.

Старая знать погибла; связь ее со средним классом, выражавшаяся в патронате, была порвана; независимость, гордость и могущество среднего класса возросли; с образованием и философией распространилась политическая идеология⁵¹. В результате, от бывшего республиканского духа не осталось и следа. По свидетельству Тацита: «Когда Цезарь... начал подменять собою сенат, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций, а остальные из знати, осыпанные им в меру их готовности к раболепию богатством и почестями и возвысившиеся благодаря новым порядкам, предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому» (Тас. Ann. I. 2.1). Помимо этого, по свидетельству того же Тацита, определенные изменения происходили не только в Риме, но и в провинции: «по причине соперничества знати и алчности магистратов доверие к власти, которой располагали сенат и народ, было подорвано» (Ibid. Ann. I.2.2).

В итоге, в обстановке всеобщего смятения и хаоса, людских потерь и разрушительных войн система ценностей римского общества радикально поменялась. Ей стали присущи такие качества, которых никогда не знал древний Рим: недисциплинированность, презрение к традициям, восточная роскошь, хищный милитаризм, спекуляция, подкуп, страсть к искусству и знанию. Именно с такими качествами римское общество вступало в эпоху своего наивысшего расцвета – эпоху Принципата.

В период I в. до н. э. – I в. н. э. наступает век Августа: выразителем единства империи и центром государственной жизни становится император. Яростная борьба за власть, развернувшаяся на стыке тысячелетий, способствовала централизации власти в одних руках. Именно изменения древнеримского менталитета, рассмотренные выше, позволили императорам установить единоличную власть: общество уже не сопротивлялось. Об этом свидетельствует, в частности, введение института присяги. Октавиан Август заставил магистратов, сенаторов, всадников, народ, провинции повсеместно

⁵¹ Ферреро Г. Указ. соч. - С. 216.

присягать на свое имя, что раньше никогда не делалось⁵². Император, таким образом, должен был стать олицетворением Рима, его символом, патроном всего римского общества. По мере эволюции принципата, изображения императора становятся все более условными, стилизованными под изображение бога. Они воспринимаются современниками не просто как личный портрет, но играют роль объекта государственного религиозного культа и почитания. «Божественное почитание особы императора, клятва его гением, воскурение фимиама перед его статуей – стали выражением нового настроения общества, которое было неведомо римскому республиканскому сознанию – чувства верноподданности», отмечает историк М.С. Голикова⁵³.

Сам принцепс заявлял себя «прежде всего спасителем общества от бурь междоусобных войн, восстановителем национальных традиций и первым гражданином»⁵⁴. Однако на деле, несмотря на попытки восстановления «древних нравов», такие как «чистка» сената от личностей, не соответствующих высоким моральным требованиям, или регламентация семейного законодательства, менталитет древнеримского общества изменить было уже невозможно. В своей политической автобиографии Август говорил: «Я возвратил многие примеры предков, в наш век уже вышедшие из употребления» (RGDA, 8). Гораций писал, что Августу удалось обуздать нрав и обычаи общества, обратившегося к порокам и роскоши (Нор. Carm. IV, 5, 22). То же утверждал и Флор (Flor. II, 34). Но в то же время, нужно учитывать определенную претенциозность этой информации, так как она относится к типу официальной литературы. Обратившись к другим источникам, более далеким «от двора», мы можем найти не менее интересные свидетельства по поводу процессов трансформации

⁵² Кулаковский Ю. А. История Византии: в 3 т. – Т. I. – СПб., 2003. – Т. II.: История Византии, 395–518 гг. – 2003. – С. 31.

⁵³ Голикова, М.С. Трансформация концепта «верность» (fides) в древнеримской культурной традиции / М.С. Голикова - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/transformatsiya-kontsept-a-vernost-fides-v-drevnerimskoy-kulturnoy-traditsii>

⁵⁴ Виппер Р.Ю. Очерки истории римской империи. - М., 1923. - С. 385.

древнеримского менталитета при Августе. Особенно ценным представляется мысль Тацита, отметившего, что: «основы государственного порядка претерпели глубокое изменение, и от общественных установлений старого времени нигде ничего не осталось. Забыв о еще недавнем всеобщем равенстве, все наперебой ловили приказания принцепса; настоящее не порождало опасений, покуда Август, во цвете лет, деятельно заботился о поддержании своей власти, целостности своей семьи и гражданского мира» (Тас. Ann. I. 4.1). Также Тацит показывает нам изнанку истинного отношения знати к произошедшим политическим переменам: «А в Риме тем временем принялись соперничать в изъятии раболепия консулы, сенаторы, всадники. Чем кто был знатнее, тем больше он лицемерил» (Ibid. 7.1). Несмотря на это, казалось бы, показное, наигранное раболепие, римский менталитет изменился до такой степени, что общество действительно считало наилучшим развитием событий отдать всю власть в руки одного человека, который обеспечит мир и стабильность государства. Народы Римской империи, по мысли Тацита, отличаются от соседей-варваров тем, что объединены под одной властью против общих опасностей. Подчинившись единой власти, римляне имеют возможность наслаждаться миром (Тас. Hist. IV. 74).

Насколько соответствовали происходящие общественные перемены менталитету древнеримского общества? По мнению историка И.Ш. Шифмана, «Август установил тот режим, который отвечал как назревшим общественно-политическим потребностям, так и традиционным, социально-психологическим характеристикам римского общества»⁵⁵. Плиний Младший, выступая в сенате, говорил, что «мы легко поддаемся, в какую бы сторону нас ни вел принцепс» (Plin. Paneg. 45). Таким образом, мы наблюдаем полное согласие римского общества с установлением Принципата. Как отмечал известный историк Э. Гримм, «поколение с такими

⁵⁵ Шифман И.Ш. Цезарь Август. («Из истории мировой культуры») - Л., 1990. - С.115.

взглядами на жизнь; разумеется, не могло потребовать у Августа отчета за присвоение верховной власти»⁵⁶. Чем была вызвана такая покорность?

Помимо людских потерь в годы гражданских войн, истребления республиканской знати в ходе проскрипций, были и чисто экономические причины, обеспечивающие стабильность политического строя Принципата. В этот период приходится расцвет римской экономики, налаживаются торговые связи со всеми известными на тот момент народами, идет бурное строительство в Риме. Увеличение благосостояния было так велико, что вся Италия сделалась буржуазной нацией, любящей удовольствия и наживу. К слову, о происходящих переменах свидетельствует и то, что среди римлян не находилось желающих служить в армии⁵⁷. Именно с этого момента начинается набор в римскую армию латинян с Цизальпийской Галлии. В период Принципата римскую аристократию больше интересовала философия и искусство, нежели война.

Увлечение греческой культурой, характерное еще до республиканских времен, в период Империи достигает своего апогея. Одной из главных культурных особенностей Римской империи в период ее расцвета был греко-римский культурный синтез, своего рода «цивилизационный дуализм», проявлявшийся в двойной греко-римской культурной идентичности⁵⁸. В результате указанного синтеза формировалась действительно единая греко-римская культура⁵⁹.

В связи с огромными размерами Римской империи, менталитет римского общества вышел за рамки чисто национального, включая в себя многие ценности из других культур. Например, примечателен в этом плане отзыв Флавия Филострата об Элиане из Пренесте: «хотя он был римлянином,

⁵⁶ Гримм Э. Исследование по истории развития римской императорской власти. - СПб, 1900. - С. 347.

⁵⁷ Ферреро Г. Указ. соч. С.-. 217.

⁵⁸ Arnason J.P. The Roman Phenomenon: State, Empire, and Civilization // The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives / Ed. J.P. Arnason and K. Raaflaub. - Chichester, 2011. - P. 179.

⁵⁹ Desideri P. Roma e la Grecia: una cultura per due popoli // Studi Ellenistici. - 2003. - Vol. 15. - P. 234.

владел аттическим языком так же хорошо, как те, которые живут в центре Аттики. Этот человек заслуживает всяческой похвалы, во-первых, потому, что добился чистоты языка, живя в городе, где на нем не говорили... За это его еще больше превозносили в Риме как блюстителя древних нравов (VS. II. 31)⁶⁰. Т.е., по сути, древние нравы в сознании древнеримского общества эпохи Империи ассоциировались также со знанием греческого языка, чего не было и не могло быть во времена Республики, где презиралось «все греческое».

В связи с тем, что Рим теперь являлся огромной полиэтнической разноплеменной державой⁶¹, в составе римского менталитета появляется ряд принципиально новых черт. С рецепцией положений греческой философии появляется понятие *humanitas* – человеческое достоинство, на которой во многом была построена доктрина цивилизаторской миссии Рима. Возникает представление о римской державе как едином культурно-историческом пространстве и Риме как общей родине всех цивилизованных жителей Империи, благосостояние и сама цивилизация которой поддерживалось императорской властью⁶². Интересно, что эта же мысль проводится и в «Похвале Риму» греческого автора Элия Аристида, по словам которого город Рим границами и землями своими имеет весь населенный мир и приемлет людей всей земли (Or. XXVI. 61; 62 Keil). Именно масштабность и разнообразие этого мира, по убеждению многих античных авторов, требовали передачи власти в одни руки. Эта мысль четко выражена, например, у Страбона (Strab. Geo.VI. 4. 2). Рим рассматривался не просто как столица и как символический объединяющий центр всей державы, он выступает и как общая родина всех римских граждан - *communis nostra patria*

⁶⁰ Махлаюк А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. - №1(1). – С. 290.

⁶¹ Gruen E.S. Cultural Fictions and Cultural Identity // Transactions of the American Philological Association. - 1993. - Vol. 123. - No 3. - P. 4.

⁶² Hingley R. Cultural diversity and unity: Empire and Rome // Material Culture and Social Identities in the Ancient World / Ed. by Sh. Hales, T. Hodos. - Cambridge, 2009. - P. 65.

(Dig. 50. 1. 33). Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что римский менталитет сохранял свой, так сказать, *романоцентрический* характер, несмотря на всю интенсивную космополитизацию самой столицы Империи⁶³.

Таким образом, мы выяснили, что:

- «Имперский» этап ментальной трансформации Рима отмечен утратой ценностей республиканской эпохи, таких как республиканизм и демократизм, неприятие единоличной власти «царей», военная доблесть и самоотверженность, готовность погибнуть за благо полиса, не прося ничего взамен, без личной выгоды.

Именно в этот период широко распространяются такие качества, отмеченные античными авторами, как эгоизм, индивидуализм, лицемерие, жажда наживы, культ денег, политический индифферентизм и верноподданничество. В то же время, уже в I в н.э. происходит синтез греко-римской традиции, образуется единая культурная идентичность. Рим в сознании граждан перестает быть просто полисом, он становится центром Италии, Империи, всего Мира – ойкумены. Рим является не завоевателем, но богоизбранным городом, волею Судьбы несущей цивилизацию варварским народам. Рим начинает мыслиться как вечный, непреходящий город, который простоит тысячелетия на славу всему человечеству - *Aeterna Roma*. Тогда никто не мог и подумать, что установление Империи является одновременно и началом конца. Что свет римского величия был уже светом заходящего солнца. Никто еще не видел среди блеска империи неотвратимого наступления сумерек...

Учитывая вышесказанное, можно констатировать, что:

- Во-первых, римский менталитет на протяжении всей истории постоянно трансформировался параллельно и в зависимости от экономических изменений, происходивших в римском обществе.

- Во-вторых, можно выделить три этапа наиболее глубоких изменений в менталитете римского общества, условно привязав их к политической

⁶³ Revell L. Roman Imperialism and Local Identities. - Cambridge, 2008. – P. 221.

системе древнеримского общества – Республиканский этап, этап гражданских войн и этап Принципата. Каждый из этих периодов характеризуется радикальной сменой моральной системы ценностей, принципов и мировоззрения древних римлян.

- В третьих, мы выяснили, что революционные изменения в менталитете древнего Рима, то, что можно назвать настоящей ментальной революцией, были вызваны, в первую очередь, огромными переменами в экономике римского полиса – следствием успешной территориальной экспансии в духе римского империализма.

Глава II. «Имперская» идеология Рима

2.1. «Римский миф» как прообраз «имперской идеи»

О древнейшей римской мифологии как целостной системе представлений, объясняющих происхождение и устройство мироздания, известно очень мало. Поэтому под римской мифологией понимаются не сколько реликты первобытного сознания, а в большей мере «новые» мифы, рожденные в условиях цивилизации⁶⁴. Мифы эти касались в значительной степени общественно-политической сферы, поскольку объясняли римлянам не только реальность, но и ставшие непонятными рудименты прошлого. В целом, общественно-политический миф – это идеальная реальность, содержанием которой является вера людей в свое общество и государство, в их идеалы⁶⁵. Исходя из этого, можно сказать что общественно-политические мифы, так же как и архаические мифы, обеспечивают определенную стабилизацию в обществе. Однако, по словам Г. С. Кнабе, именно в античности миф оказался наиболее глубоко укоренен в исторической жизни, пронизывая все ее сферы⁶⁶. В античности же произошла и первая интерпретация мифа: он стал рассматриваться как реальное прошлое, как подлинная история⁶⁷.

Римляне создали наиболее впечатляющую своей продуманностью и разработанностью политическую мифологию древности. Общественно-политическая философия Рима соединилась в особой комплексе взглядов, получившим название «римский миф».

⁶⁴ Колобов, А.В. Этапы развития "римского мифа" / А.В. Колобов - -URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1280142572>

⁶⁵ Галаганова С. Учение Э. Винера о мифе как средстве массовой коммуникации // Теории, школы, концепции (критические анализы) / Художественная коммуникация и семиотика. М., 1986; Гуревич П. С. Социальная мифология. М., 1983. – С. 24.

⁶⁶ Кнабе, Г. С. Рим Тита Ливия — образ, миф и история Тит Ливий. История Рима от основания города. / Г.С. Кнабе - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1366399837>

⁶⁷ Там же.

Представляется убедительной точка зрения Е.М. Штаерман, согласно которой формирование общественно-политической мифологии у римлян началось во время трансформации архаичного общества в античную общину, т. е. в V—III в. до н. э.⁶⁸ Разобранные в предыдущем параграфе события римской истории, внутривластные потрясения и внешнеполитические завоевания наталкивали римлян на мысль об избранности своего народа. С этими мыслями римляне оглядывались в свое прошлое и создавали свою историю.

Одной из особенностей римской общественно-политической мифологии стало ее создание определенными личностями. В частности, творцами новых параисторических мифов поначалу выступали жрецы из патрицианских родов, затем к процессу подключились «старшие» анналисты и поэты, такие как Катон Старший, Фабий Пиктор, Энний и др. Результатом коллективного творчества авторов стал «римский миф» — представление о Риме как о избранном богами городе, самом справедливом и богобоязненном, уготованном для великой миссии.

По мнению А.В. Колобова, «старшие» анналисты писали историю, «выполняя заказ правящих родов»⁶⁹. Однако, по нашему мнению, приведенная черта характерна больше для «младших» анналистов, сознательно «приукрашивающих» историю.

Возвращаясь к специфике «римского мифа», следует сказать, что в развитие самого мифа выделяется несколько этапов⁷⁰. Нас, в первую очередь, интересует именно начальный этап развития «римского мифа». Становление «римского мифа» было связано с эволюцией самого Римского государства. Можно сказать, что политические мифы Рима имели определенный вектор эволюции — от мифа к государственной «идеологии». Геополитическая дилемма маленького города в центре Апеннинского полуострова оказалась такой: победить соседей или быть побежденным. Именно по этой причине

⁶⁸ Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 17.

⁶⁹ Колобов А.В. Указ. соч.

⁷⁰ Там же.

римляне искали знаки особого покровительства городу богов, что давало силы побеждать. В эпоху расцвета *civitas* главной ценностью для гражданина был сам Рим, постоянно ведущий войны. Появилась идея, что Рим призван покорить все окрестные народы, а долг гражданина Рима – помочь своему городу всеми средствами. Начиная с Ромула, римский народ совершал бесчисленные подвиги и нес огромные жертвы⁷¹. Одновременно грандиозные военные успехи Рима рождали уверенность в превосходстве своего государства, в избранности римского народа, что впоследствии стало пропагандироваться правящей элитой и восприниматься населением как естественный и предначертанный свыше ход вещей. После завершения захватов всех известных тогда культурных областей и выхода на варварскую периферию в I-II вв. до н.э., огромная территория в сознании римлян объединилась в один «Вечный Город», и на весь этот мир распространилось одно название – Рим⁷². Культурный мир, «объединенный» Римом, стал восприниматься античным населением Средиземноморья как противостоящий миру варварскому – чуждому и враждебному.

Еще одной особенностью «римского мифа» было то, что он глубоко моралистичен. Социальные и политические цели римляне выводили из моральных идеалов⁷³. Не случайно подлинному римлянину Цицерону, веровавшему в торжество высоких этических принципов даже в большой политике, принадлежала сентенция о том, что «история — учительница жизни». Наибольший морализатор из авторов «римского мифа» — Тит Ливий персонафицировал наиболее значимые в современной ему римской среде этические качества — *virtus* (доблесть), *pietas* (благочестивость), *fides* (верность), *rudicitia* (скромность), *frugalitas* (умеренность) — в героях римской старины Сцеволе, Манлии, Цинциннате, Бруте, Камилле, Сципионе Старшем и др.⁷⁴.

⁷¹ Культура древнего Рима: в 2 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова. – М., 1985. – Т. 1. – С. 56.

⁷² Немировский А. И. История древнего мира: Античность : в 2 ч. – М., 2000. – Ч. 1. – С. 241

⁷³ Колобов А.В. Указ. соч.

⁷⁴ Там же.

Именно убежденность в моральном превосходстве Римского государства приносила некий моральный фактор в римскую внешнюю политику. Многие римляне были уверены, что Рим ведет исключительно превентивные и оборонительные войны.

Неразделимо от «римского мифа» существовали боги – покровители Города, прежде всего, Юпитер, Юнона и Минерва. Высокий авторитет общины, слабость жреческого элемента определили специфический римский религиозный аспект. Граждане обязаны были чтить богов, составлявших как бы часть их общины (отсюда распространённая впоследствии мысль о мире как великом городе людей и богов), но могли о них думать, говорить и писать, что угодно, вплоть до полного их отрицания⁷⁵. Такие мотивы встречаются уже у поэта Энния, они всесторонне развиты в трактатах Цицерона «О природе богов» и «О дивинации».

«Римский миф» - целый комплекс идей, объясняющих те или иные моменты римского бытия, объединенных общей, иррациональной по сути своей, идеей, формирующий весь спектр мировоззренческих установок римлянина.

Природа «римского мифа», опосредовано, связана с архаическими воззрениями римлян. Вообще, природа «политического мифа» может быть прояснена лишь в том случае, когда находит объяснение его связь с исходным субстратом архаического мифа. Поскольку последний задаёт вектор развития последующей культурной традиции.

Когда появился «римский миф», из каких компонентов состоял, в чем его первоначальный смысл установить трудно за отсутствием соответствующих источников. Один из компонентов — миф об Энее, видимо, очень древен, но неизвестно, каков он был первоначально⁷⁶.

⁷⁵ Штаерман Е.М. Римская мифология. / Е.М. Штаерман Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев.— М.: «Советская энциклопедия», 1982. Т. II, с. 380—384. – URL: <http://ancientrome.ru/religia/rome/roman-mythology.htm>

⁷⁶ Штаерман Е.М. Римская мифология. / Е.М. Штаерман Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев.— М.: «Советская энциклопедия», 1982. Т. II, с. 380—384. – URL: <http://ancientrome.ru/religia/rome/roman-mythology.htm>

«Римский миф» развивался под влиянием греческих и римских преданий о «жизни при Кроносе» и «Сатурновом царстве» - счастливом и беспечном состоянии человечества; о беззаботной, полной всяких благ и невинной жизни первых людей. В республиканский период среди римской элиты широкую популярность получила своеобразная теория циклического развития — Гесиодова концепция «пяти веков»⁷⁷.

Согласно этой концепции, «золотой век» — время всеобщего благоденствия и гармонии — был создан Кроносом-Сатурном. На смену «золотому веку» приходят «серебряный», «медный», «век героев», «железный век», созданные Зевсом-Юпитером и отмеченные прогрессирующим упадком. На смену «железному» должен вновь прийти «золотой век». Ю.Г. Чернышов считает, что миф о царстве Кроноса (Сатурна) в Италии мог быть занесен на Апеннинский полуостров первыми греческими колонистами, считавшими, что именно сюда, в эти благодатные края, бежал свергнутый Зевсом Кронос. Впоследствии это предание, подхваченное и переосмысленное италийцами, превратилось в миф о «Сатурновом царстве»⁷⁸. Со временем, происходила эволюция римских утопических представлений, выкристаллизовывалась идея «Золотого века». Однако к I в. до н.э. миф о «золотом веке» и «римский миф» очень тесно переплелись, и уже Вергилий в Энеиде употребляет термин «римский миф», объединяя воедино оба мифологических представления.

В его поэме высказывается мысль, что Рим – это богоизбранный город, которому подлежит повелевать и заботиться обо всех народах. Это город, который сами боги выбрали в качестве своего «земного» пристанища.

В связи с этим в «римском мифе» сложилось понятие «государственного века», который примерно соответствовал продолжительности жизни одного поколения и насчитывал 100—110 лет. Отсчет «государственных веков» велся от основания Рима. В 509 г. до н.э. римляне в первый раз отпраздновали «вековые игры», посвященные подземным богам/ Одновре-

⁷⁷ Колобов А.В. Указ. соч.

⁷⁸ Чернышев Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме... – С. 28.

менно «вековые» игры должны были вызвать к жизни новый век и новое поколение. С наступлением нового века каждый раз связывались надежды на возвращение «золотого» века.

Будучи принят, политический миф определяет не только систему этикоаксиологических координат социально-исторического бытия, но, что еще более важно, выдвигает в качестве сверхзадачи достижение некоего всецело мифологического идеала, движение к которому задает вектор исторического развития и одновременно придает смысл индивидуальному и коллективному усилию.

Тогда провиденциальная миссия Рима казалась осуществившейся, и Вергилий сформулировал свою знаменитую мысль о предназначении Рима править миром, смирать дерзких и щадить покорных. О сложном генезисе «римского мифа» можно судить на примере легенды о царе Сервии Туллии. О происхождении других персонажей «римского мифа» (т.е. восходят ли они к индоевропейским или итальяйским богам и героям или к реально жившим людям) ничего неизвестно. Мифы о них группировались вокруг Януса, Сатурна, Пика, Фавна, Латина, Эвандра, Питумна и Пилумна и особенно вокруг Энея. Ряд мифов связан с римскими царями Ромулом, Нумой, Тулом Гостилием, Тарквинием Древним, Тарквинием Гордым и Сервием Туллием. Третья группа мифов связана с установлением республики; герои этих мифов — люди, ничего не щадившие для величия Рима и исполненные исключительных добродетелей

Подводя итог специфике «римского мифа», следует сказать, что она заключается в следующем: 1. В феномене его «историчности», как бы парадоксально это не звучало, поскольку миф создавался конкретными реальными личностями, а не массами 2. «Фундаментальность», проявившаяся в преобразовании мифа в государственную «идеологию» 3. Моральное обоснование в виде ссылок на древность как оправдание внешней политики. 4. Построение мифа на вере в особое предначертание и богоизбранность римского народа 5. Обоснование особого положения Рима в

глазах других народов (этот и предыдущий пункт сливаются в так называемую «провиденциальную Миссию Рима»). 6. Проникновение мифологической традиции во все сферы общественной жизни римлян.

Так, «римский миф», объясняющий прошлое, оправдывающий настоящее и направляющий будущее, вытеснил, видимо, некогда существовавшие примитивные мифы о создании мира и людей. Потребность в них стала удовлетворяться за счёт проникновения в Рим развитой греческой мифологии и отождествления римских богов с греческими. У автора нач. III в. до н.э. Ливия Андронника, переведшего на латынь «Одиссею» и первым писавшего пьесы для театра на сюжеты греческих мифов, выступают романизованные греческие боги, которые, очевидно, уже известны публике. Заимствование греческих богов началось не позднее кон. VI — нач. V вв. до н.э. с введения культа Аполлона, затем римляне стали знакомиться с греческими мифами, потом и с элевсинскими и самофракийскими мистериями, мистериями Диониса и греческими религиозно-философскими течениями. Интерпретируя мифы, ведущие государственные деятели стали претендовать на божественное происхождение (первым в этом смысле был Сципион Африканский), на особое покровительство божества (Сулла и Цезарь — на покровительство Венеры, Антоний — Геркулеса и Диониса), на уготованное их душам бессмертие и особое место в звёздных сферах или полях блаженных. В провинциях распространялся культ полководцев. Так был подготовлен императорский культ, начавшийся с обожествления Цезаря и Августа, а затем его преемников⁷⁹. Императоры отождествляли себя с богами, их жёны — с богинями. С сер. III в. н.э., когда распространяются солярные культы в Риме, императоры стали отождествлять себя с этими богами. С установлением империи «римский миф» в связи с обострением социальных противоречий, отстранением народа от участия в государственных делах,

⁷⁹ Абрамзон М.Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики. — Магнитогорск, 1995. — 150 с.; Шалимов О.А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в сер. I — нач. II вв. н.э. — М., 2000. — 186 с.

утратой Римом его характера гражданской общины, начал всё более терять свою популярность.

В то же время не вызывает сомнений, что «римский миф» содержал в себе имперский потенциал. Превращение «римского мифа» в имперскую идеологию шло параллельно с превращением Вечного Города в мировую державу.

2.2. Правовое оформление власти принцепса и «идеологии» императорского Рима в рамках Принципата

«Имперская идея» Древнего Рима – идеологический курс древнеримского общества эпохи Империи, представляющий собой совокупность политических идеологем, направленных на укрепление и поддержание власти императоров. «Имперская идея», как форма общественного сознания, основывается на эмоциональных и культурных особенностях, системе ценностей, определяющих мировоззрение и мироощущение народа, т.е. на менталитете общества. Ментальность оказывает решающее влияние на формирование политического мировоззрения, которое, в свою очередь, находит отражение в политической культуре общества – «совокупности политических мнений, позиций, ценностей и оценок субъектов конкретного социального и политического организма»⁸⁰. В то же время, идеология находится в рамках политической культуры общества.

Целью идеологии является навязывание определенного вектора общественно-политического развития в интересах конкретных социальных групп, стремление повлиять на политическую культуру общества, изменить ценностные ориентиры и мировоззренческие идеалы в планируемом направлении. Движущей силой, вызывающей перемены, является внешнее

⁸⁰ Алмонд Г. Гражданская культура, Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли. - М., 1997. - С. 46.

воздействие на общественное сознание: социальные и политические потрясения, религиозная и идеологическая политика. Таким образом, прослеживается неразрывная взаимосвязь идеологии и политического менталитета общества, основанная на изменении политической культуры.

Как мы показали в предыдущей главе, политическая культура Древнего Рима прошла долгий эволюционный путь, сопряженный с тем или иным периодом римской истории – царским, республиканским и имперским. Для полноценного анализа древнеримской политической культуры необходимо было рассмотреть республиканский период, менталитет и систему ценностей древнеримского общества, чему и была посвящена предыдущая глава. В частности, без этого нельзя было бы понять, почему самобытная политическая культура римского общества не позволила правителям Рима установить режим единовластия сразу после гражданских войн конца I в. до н.э. Понадобилось три столетия фактически неограниченной власти императоров, прежде чем проводимая идеологическая политика изменила политическую культуру общества от «гражданина» к «подданному», олицетворением чего явился доминат. На наш взгляд, такой продолжительный, вековой срок объясняется силой республиканских традиций, инерцией «демократической» политической культуры древнеримского общества, основанной на «полисной» морали.

Однако, в период кризиса Республики, римский менталитет претерпел неизбежную трансформацию, и к началу эпохи Принципата политическая культура Рима значительно изменилась, что позволило Октавиану Августу законодательно закрепить основные компоненты государственной идеологии – «имперской идеи».

«Имперская идея» Древнего Рима, своими корнями уходящая в республиканскую эпоху, была юридически оформлена серией законодательных актов, оформляющих власть принцепса в эпоху Принципата. Следует сказать, что «имперская идея» в Риме, прежде чем воплотиться в политическую единоличную власть императора, прошла

несколько уровней. Первый из них – философский, был подготовлен поэтами, писателями, историками на рубеже I в. до н.э. - I. н.э., а также греческой традицией. Второй этап – юридический, непосредственно предшествующий политическому оформлению «имперской идеи», был рассмотрен в работах западной историографической традиции XIX- нач. XX в⁸¹, Однако историки данного периода зачастую рассматривали Принципат как правовую систему, без связи с социально-экономическими условиями, что приводило к построению умозрительных схем, не имеющих достаточных оснований. Отсюда и такая разница в определениях формы правления Принципата – от республики, до монархии и диархии. Более того, изучая Принципат как государственный строй, исследователи часто оставляли идеологию Принципата не рассмотренной или показанной частично. В связи с вышесказанным, нами была предпринята попытка рассмотреть правовое оформление власти принцепса и «имперской идеи».

Известный английский историк Р. Сайм, оценивая объем и характер власти Августа, категорически возражал против всех попыток выделить юридические основы императорской власти⁸². Действительно, нам очень сложно дифференцировать правовое разделение политической власти периода Принципата, особенно его начального периода. Однако, рассматривая юридическую сферу в контексте предшествующей истории Рима, особенно социально-политической составляющей, можно проследить истоки «имперской идеи» и выделить ее правовое оформление.

Что собой представляло Римское государство в рассматриваемый период? Римская империя, отсчет которой принято вести с 27 г. до н.э., на самом деле является уже конечным продуктом, кульминацией римского империализма республиканского периода⁸³. Императорский режим в Риме как определенная система государственного управления и классовой дикта-

⁸¹ Моммзен Т. История Рима. Том III. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. - М., 2005.; Friedlaender D. S. G. R. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit vom August bis zum Ausgang der Antonine. (6 Ausg.). - Leipzig, 1888

⁸² Syme S. Roman Revolution. - Oxford. 1939 – P. 34.

⁸³ Виппер Р.Ю. Римская цивилизация. – М., 2017. – С. 12.

туры римской аристократии (сенаторства) и плутократии (всадничества) начал складываться еще в республиканскую эпоху и прошел длинный путь развития⁸⁴. Римская империя пришла на место разлагающейся Средиземноморской колониальной империи полисного типа, и превратила Средиземноморье в единое экономическое, политическое, и культурное пространство⁸⁵.

Империя I—II вв. н. э. была огромным геополитическим объединением. Ее европейская граница проходила по Рейну и Дунаю, восточная — по Евфрату и восточной границе современной Турции, а южная — по границе пустыни Сахара. Площадь сверхдержавы достигала 5 млн км², население — 50—80 млн человек, а на ее территории располагается более 40 современных государств Европы, Азии и Африки. Средиземное море впервые стало свободным морским пространством, а к морским коммуникациям добавились 150000 км сухопутных магистралей. Империя являлась страной городов, и только в Италии было около 1200 городов, а по всей империи их стало несколько тысяч. Город был экономической, структурной, административной и культурной ячейкой общества, а империя давала ему защиту, возможности расширения торговых связей и помощь при стихийных бедствиях⁸⁶.

Одной из главных задач Империи было приведение полисной системы в соответствие с потребностями Рима как мировой державы. Принципат возник из необходимости решить эту задачу и носил компромиссный характер. Такой компромисс предполагал сохранение республиканских политических форм, с одной стороны, и опору на те силы, которые выступали как разрушители традиционных норм, с другой⁸⁷. Таким образом, пять веков республиканской жизни налагали на образующийся режим Принципата

⁸⁴ Сергеев В.С. Принципат Тиберия // Вестник древней истории. — 1940. - № 2 (11). - С. 78-95. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1377237662>.

⁸⁵ Егоров, А.Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы) / А.Б. Егоров - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1376051918#n23>

⁸⁶ Егоров А.Б. Указ. соч.

⁸⁷ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи. - М., 1983 - С. 140.

известные ограничения. Республиканские идеи, учреждения, методы управления, формы гражданственности не могли быть начисто отменены императорской властью⁸⁸. Все это определило сложную, растянувшуюся на десятилетие процедуру оформления императорской власти и «имперской идеи».

То, что потом составило объединенную сумму императорской власти и выговаривалось зараз в одной формуле, сложилось из разрозненных одиночных постановлений. Десятилетие от 27-го до 17 г. представляет ряд попыток со стороны императоры установить правомерный конституционный режим в соглашении с высшими общественными классами. Из чего складывалась политическая власть в Древней Риме? SPQR – сенат и народ Рима - эти две силы, находившиеся подчас в ожесточенном противостоянии, были основными источниками политической власти Рима в I в. до н.э.⁸⁹ Вместе они складывались в краткую формулу законной власти римского государства. Третьим слагаемым политической власти являлась система магистратур. К моменту установления Принципата политическая власть народа фактически нивелировалась в связи с принижением трибуната, а потом особенно выразилось в закрытии политических обществ в эпоху острых социальных столкновений⁹⁰. Сенаторское сословие было изрядно потрепано и разбито в годы гражданских войн и проскрипций и также не представляло былой могущественной политической силы. Оставалась система магистратур. Именно на ней Октавиан Август и акцентировал внимание в правовом плане. Теоретически принципат в 1-й половине вышеуказанного периода был ответствен перед законами, как обыкновенная магистратура.

Несмотря на безоговорочные победы на всех фронтах, Октавиан оказался в очень шатком положении. Срок действия чрезвычайных полномочий, декретированных ему как триумвиру, истек еще в 33 г. до н. э. Присяга,

⁸⁸ Виппер Р.Ю. Римская цивилизация. – С. 275.

⁸⁹ Бирд М. Указ. соч. – С. 28.

⁹⁰ Виппер Р.Ю. Указ. соч. – С. 401.

данная ему как главнокомандующему в 32 г. до н. э. гражданами всех муниципиев Италии, могла считаться законным основанием его власти только на время войны. Разумеется, он мог управлять державой, опираясь на военную силу и не считаясь ни с кем, кроме армии, то есть, выступить перед всеми в незавидной и чрезвычайно опасной роли тирана. Но судьба Цезаря явно его останавливала от такого выбора, и Октавиан решил выбрать третий путь: он «восстановил» республику, сохранив и упрочив при этом свое единовластие⁹¹. Это было сделано серией законодательных актов, в ходе которых была использована традиционная республиканская терминология, но которая теперь обеспечивала нетрадиционную для республики единоличную власть.

Среди правовых актов, обеспечивающих императорскую власть, необходимо назвать соглашение о разделе областей 27 г., принятие трибунской власти 23 г., о принятии консульского авторитета вне очереди 19 г.

Уже эти три законодательных акта позволяют выделить главные основы власти принцепса - *imperium* и *tribunicia potestas*. Первая опора власти - *Imperium* (высшая военная власть). *Imperium* Октавиан получил в 27 г., одновременно с титулом *Augustus*. На этот титул, заменивший ему личное имя (*praenomen*), он смотрел, как на наследственный; с ним он получил навсегда командование всеми военными силами государства, право давать законы, творить суд и управлять провинциями. В 23 г. он был провозглашен проконсулом, причем звание проконсула и императора слились в одно. Вторая опора - пожизненная трибунская власть — *tribunicia potestas*, которая, делая его особу неприкосновенной, давала ему право интерцессии против решений всех остальных магистратов, сената и народа, право помощи угнетенным (*auxilii latio*). Трибунская власть, принадлежавшая принцепсу пожизненно, была выше власти народного трибуна, так как принцепс был не трибуном, а магистратом с трибунской властью (*tribunicia potestate*).

⁹¹ Смышляев, А. Л. Характер принципата / А.Л. Смышляев - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1293446283>

В соединении с военной властью (*imperium*) трибунская власть представляла из себя громадную силу, устанавливающую единовластное правление.

От сената и народного собрания Октавиан "принял на себя все попечение и надзор за государственными делами на том основании, что они требовали от него некоторого внимания (Dio. LIII. 12). В силу этого он имел право республиканского цензора проводить ревизию сенатских списков, хоть и не был цензором (Suet. Aug. 27). Сразу же после этого он объявил, что возвращает власть сенату и народу (RGdA. 34). 16 Января 27 г. до н.э. собрание Сената единогласно проголосовало, чтобы Октавиан принял имя - Император Цезарь Август, сын божественного (Suet. Aug. 7). В ответ на такой жест, "рассудив, что и ему опасно будет жить частным человеком, и республику было бы неразумно доверять своеволию многих правителей, он без колебания оставил власть за собой" (Suet. Aug. 28). Своего рода завершением процесса усиления авторитета Августа стало присвоение ему особого титула "*pater patriae*" - отец отечества (Suet. Aug. 58).

Однако, не следует придавать «авторитету» Августа определяющего значения. В западной историографии такие исследователи как М. Грант и А. Маделен видят главный источник власти императора не в каких-либо правовых основах, а в особом личном авторитете, который, по их мнению, выражен в понятии *auctoritas*⁹². На самом же деле, как показано выше, императорская власть Августа базировалась на целом ряде правовых актов, что позволяет четко выделять юридические основы его власти.

Апогеем становления императорской власти стала присяга принцепсу и его династии со стороны населения провинции и римских граждан «на вечные времена», что говорит красноречивым образом об единой державии⁹³. Присяга на имя императора, его дома и рода вносила династический принцип

⁹² Grant M. From *imperium* to *auctoritas*. A Historical Study of the Aes Coinage in the Roman Empire 49 B. C. — 14 A. D. - Cambr., 1946 – P. 193.

⁹³ Кулаковский, Ю.А. Вновь открытая присяга на имя Августа- URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1403376232>

в новую власть. Прочно утвердилась за долгое правление Августа монархическая идея, и как только закрыл глаза престарелый император, в Риме совершилось признание нового владыки путем принесения ему присяги⁹⁴.

Помимо этого, был принят ряд законодательных актов, усиливающих власть принцепса. Так, например, в 27 г. императору было особо передано, в силу постановления народного собрания, право заключать международные союзы. Отдельным актом сената в 22 г. передано ему право созывать сенатские заседания. Раньше, в 29 г. передано право назначать на священнические места. В 22 г. передано полномочие на организацию хлебоснабжения⁹⁵.

Несмотря на, казалось бы, планомерное усиление императорской власти, положение принцепса далеко нельзя было назвать прочным. Оппозиция несколько раз пыталась завладеть высшими должностями в столице. Справедливым представляется мнение В.С. Сергеева: «Следует отметить, что имперские учреждения создавались не вследствие теоретического анализа преимуществ того или иного политического строя, а в результате столкновения и ожесточенной борьбы различных враждебных социальных сил, групп и лиц»⁹⁶.

В связи с этим, в обмен на расширение полномочий, Октавиан, в свою очередь, должен был делать ряд уступок землевладельческим классам метрополии. Например, Октавиан отказался после Акции от устройства военных колоний в Италии и вместе с тем увел легионы на окраины. Уговор относительно провинций заключил в себе известного рода гарантию для стран старой администрации и для заправлявшей ими сенатской коллегии: они избавлялись вместе с метрополией от обременительного постоя войск⁹⁷. Октавиан не только объявил об установлении мира и прекращении граждан-

⁹⁴ Кулаковский, Ю.А. Вновь открытая присяга на имя Августа- URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1403376232>

⁹⁵ Виппер Р.Ю. Римская цивилизация. Москва, 2017 – С. 380.

⁹⁶ Сергеев В.С. Принципат Тиберия // Вестник древней истории. – 1940. - № 2 (11). - С. 78-95. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1377237662>.

⁹⁷ Виппер Р.Ю. Римская цивилизация. Москва, 2017 – С. 358.

ских войн, но и сделал к этому реальные шаги. Так, триумvir вернул многие права в государственном управлении ежегодным должностным лицам (App., В. С., V, 132), (за исключением консулов (Dio Cass., LIII, 1)). Были прощены недоимки по долгам в пользу государства, также прощены сборщики налогов и других откупных сумм (App., В. С., V, 132; Dio Cass., XLIX, 15). Были сожжены многие документы, относящиеся к времени смут (App., В. С., V, 132), что символизировало прекращение проскрипций. В самые краткие сроки Октавиан восстановил порядок в Риме и Италии. Было объявлено о строительной кампании. Октавиан предоставил для общественных нужд многочисленные дома, приобретенные через прокураторов (Vell. Pat., II, 81, 3)⁹⁸

Компромисс интересов принцепса и землевладельческой аристократии был во многом достигнут за счет вышеописанных взаимных уступок. Однако, имперская новизна столкнулась с вековыми полисно-республиканскими традициями⁹⁹, и в первые десятилетия принципата, существовала серьезная оппозиция императорской власти¹⁰⁰. Мятеж рейнско-дунайских легионов с полной очевидностью показал, как велико было недовольство существовавшим строем и как слаб был авторитет государственной власти¹⁰¹. В этих условиях, должна была появиться идея, способная консолидировать общества, так возникла имперская идеология, которая легализовала и легитимизировала закрепленную в правовых актах 20-10-х гг. I в. единоличную власть императора.

Таким образом, в первые десятилетия существования Принципата были юридически оформлены основы единоличной императорской власти. Основными договорами, утверждающими основы власти принцепса, стали

⁹⁸ Токарев, А.Н. К вопросу о трансформационной политике Октавиана в сфере идеологии в 36 г. / А.Н. Токарев - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1362261270>

⁹⁹ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит ... - С. 37.

¹⁰⁰ Сергеев В.С. Принципат Тиберия // Вестник древней истории. – 1940. - № 2 (11). - С. 78-95. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1377237662>.

¹⁰¹ Сергеев В.С. Принципат Тиберия // Вестник древней истории. – 1940. - № 2 (11). - С. 78-95. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1377237662>.

договоры от 27 г. до н.э, когда Октавиан получил Imperium, одновременно с титулом Augustus; соглашение о разделе власти над провинциями 27 г., в соответствии с которым император получил в единоличное пользование половину территории империи, где находились легионы – реальная сила, на которой держалась императорская власть в период Раннего Принципата; договор от 23 г. до н.э., когда принцепсу была дарована tribunicia potestas – пожизненная трибунская власть; договор от 19 г. о принятии консульского авторитета вне очереди. Приведенные выше договоры дополнились рядом других правовых актов, расширяющих компетенции императорской власти. В совокупности, данные постановления законодательно оформили императорскую власть. Однако, для легитимации сложившегося государственного строя правового оформления императорской власти было недостаточно. Необходимо было обоснование Принципата на уровне философском и метафизическом. Для этого должна была быть разработана государственная идеология, «имперская идея».

2.3. Структура и сущность «имперской» идеи

Для сохранения и укрепления социально-политической стабильности в «восстановленной республике» - политическому строю, сложившемуся при первом принцепсе, Августу и его преемникам необходимо было в первую очередь заручиться поддержкой римского народа, который и в теории и на практике был народом-владыкой. Вместе с тем, Октавиан пытался заручиться поддержкой аристократии, как старой землевладельческой, сенаторского ранга, так и новообразовавшейся аристократии из сословия всадников. Мы должны понимать, что "идея может стать могущественной силой, но лишь тогда, когда она отвечает специфическим потребностям людей данного социального характера"¹⁰², другими словами, идея должна отвечать насущным проблемам определенных социальных групп и тогда она будет

¹⁰² Фромм Э. Бегство от свободы. - М., 2014. - С. 267.

воспринята. Поэтому, для консолидации вокруг личности принцепса сословий со столь разными интересами, необходима была государственная идеология, которая, с одной стороны, была как бы вне сословий, а с другой – отвечала интересам каждого сословия по отдельности.

Меценат, один из ближайших друзей принцепса (*amici principis*), не занимая никакого официального положения, взял на себя организацию работы в вышеуказанном направлении и достиг значительных успехов. При нем формируется идеологическая линия нового режима, а важнейшим средством её пропаганды становятся официальное искусство и литература¹⁰³. Сложившийся вокруг него кружок выдающихся писателей и поэтов стал центром культурной жизни Рима, задавал её тон и направление, диктовал литературные вкусы и пристрастия.

В сфере идеологии были оформлены и собраны воедино мифы, представления, ожидания, а так же традиционные римские ценности и образы. В историографии этот набор идеологием получил название «имперская идея». Эта идеология состояла из отдельных составных, тесно связанных и переплетающихся частей: «республиканизма», «традиционализма», в который входит и «римский миф», идеи «державности», «культы императора». Рассмотрим структуру «имперской идеи» по порядку.

Как в зарубежной, так и отечественной историографии в отношении «республиканизма» и «традиционализма» зачастую идет смешение понятий. Однако, как справедливо указывает Токарев А.Н., это не одно и то же¹⁰⁴. «Между «республиканизмом» и «традиционализмом» есть существенная разница, так как последний был основой для мировоззрения всего римского

¹⁰³ Вержбицкий, К.В. Традиционные формы общения у римлян и оппозиция Юлиам-Клавдиям. / К.В. Вержбицкий - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1386065904>

¹⁰⁴ Токарев, А. Н. Трактовка понятий «традиционализма» и «республиканизм» в современной историографии в связи с формированием официальной идеологии раннего Принципата в эпоху императора Августа. / А.Н. Токарев - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1472823091>

общества, независимо от сословной принадлежности или политических убеждений его отдельных представителей» - пишет Токарев А.Н.. «Традиционализм» возник из примитивного крестьянского консерватизма с его благоговейным почтением к богам и знаменьям, стремлением к простоте, постоянству и апелляции к прошлому, на которое были ориентированы его нормы и ценности. Римляне видели в земле основу собственности, в солидарности граждан — норму существования, а в верности традициям — основу морали. Очевидно, что «традиционализм», как совокупность консервативных римских «полисных» представлений, послужил основой для возникновения «республиканизма», но не является ему тождественным. Сделав это важное отступление, можно дефинировать понятие «традиционализм» и «республиканизм».

Под «республиканизмом» большинство ученых подразумевает идеологические взгляды сторонников «сенатской республики». Так, например, по мнению Х. Виршубски, «оптиматы» интерпретировали «республиканизм» и *libertas* как символы сенатского правления¹⁰⁵. Для А. Гоунга «республиканизм» эпохи Империи — это совокупность идей и представлений о Республике, которая постепенно идеализировалась и мифологизировалась¹⁰⁶.

Чем же являлся «республиканизм» на самом деле? Разговор об ориентации Октавиана на республиканскую идеологию опирается исключительно на одно единственное свидетельство Аппиана. Греческий историк сообщает, что наследник Цезаря «обещал вполне восстановить государственный строй после возвращения М. Антония из парфянского похода, ибо он был убежден, что и тот пожелает, с прекращением гражданских войн, сложить свою власть. Восхваляя за это Цезаря, его избрали пожизненным трибуном. Он принял и эту должность и от себя написал М. Антонию все, что думал относительно верховной власти» (App., B. C., V, 132).

¹⁰⁵ Wirszubski Ch. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. - Cambr., 1950. - P. 119.

¹⁰⁶ Gowing A. *Empire and Memory. Representation of the Roman republic in Imperial Culture*. - Cambr., 2005. - P. 4.

Необходимо понимать, что это обещание Октавиана было пропагандистским заявлением, целью которого было привлечь аристократов и всадников на свою сторону в будущей борьбе против Марка Антония, и никакого другого смысла, кроме утилитарного, в этом не было. Поэтому мы не можем утверждать, что Октавиан был искренен в своем заявлении.

Однако в этом нас уверяет более поздняя официальная идеология принципата Августа. Она постоянно подчеркивает, что с приходом к власти Октавиана Августа положение не изменилось: республика спасена, *libertas* – свобода – главная ценность республиканцев, продолжает существовать, а принципат есть возрождение и новый этап развития «свободной республики»¹⁰⁷. В автобиографическом сочинении Августа - *Res gestae* - постоянно говорится о восстановлении *res publica* и передаче власти в руки сената и народа, а пропаганда времени Империи всячески подчеркивает различие между римским принцепсом, правящим по закону, и варварскими правителями, которые властвуют по произволу¹⁰⁸.

В то же время мы должны понимать, что, несмотря на все попытки идеологов принципата придать республиканский характер власти Августа, принятие трибунской власти никак не увязывается с «республиканской» идеологией. *Tribunicia potestas* – пожизненная трибунская власть, декларирует совершенно иную политику, противоположную «республиканизму». Почести, предоставленные наследнику Цезаря сенатом и плебсом, едва ли можно считать «республиканскими». Это были почести, которые получил всемогущий диктатор, а не республиканский магистрат.

Вместе с тем при всем своем республиканском антураже эта бессрочная, никому не подотчетная и фактически неограниченная власть противоречила коренным принципам республиканского правления, поэтому в отрыве от

¹⁰⁷ Вержбицкий, К.В. Традиционные формы общения у римлян и оппозиция Юлиам-Клавдиям. / К.В. Вержбицкий - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1386065904>

¹⁰⁸ Егоров, А.Б. Проблема титулатуры римских императоров / А.Б. Егоров // Вестник древней истории. - № 2, 1988. - С. 161-172. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1269500860>

исконных римских ценностей она была бы нежизнеспособна. Именно поэтому мы наблюдаем повышенное внимание Августа к культуре старины, реставрации храмов, римским добродетелям и прочим консервативным представлениям, объединенных нами в понятии «традиционализм».

Значение понятия «традиционализм» не вызывает особых споров среди современных исследователей. Под этим термином понимают традиционные римские «полюсные» представления: *mos maiorum* (нравы предков), «римский миф» и т. п.

Своей внутренней политикой Август и его преемники демонстрировали приверженность институтам, обычаям и нравам предков. Август даже собирался восстановить этрусскую лигу, почитая роль этого народа «заложившего многие важнейшие основы римской государственности, цивилизации и религии»¹⁰⁹. В «восстановленной республике» делалось все возможное для реставрации и укрепления традиционной социальной иерархии, устранения или смягчения наиболее острых социальных противоречий¹¹⁰.

Были реставрированы старые римские храмы и построены новые, самым знаменитым из которых вплоть до нашего времени остается Пантеон. Рядом с заново отстроенным и украшенным при Августе Римским Форумом в эпоху Принципата появляются новые императорские с их мраморными храмами, базиликами, памятниками, портиками и публичными библиотеками. Особым вниманием Августа и его преемников пользовались ремонт и строительство сооружений, предназначенных для зрелищ: цирков, театров, амфитеатров, одеонов и стадионов. Большинство сооружений этого рода было построено в эпоху Принципата.

В духе консервативной политике Августа активно пропагандировалась

¹⁰⁹ Межеричкий, Я.Ю. Клавдий: историк и император / Я.Ю. Межеричкий // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Под ред. В. М. Строгеецкого. — Н. Новгород: Нижегородский гос. пед. институт, 1991. С. 56—71. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1322804744>

¹¹⁰ Смышляев, А. Л. Характер принципата / А.Л. Смышляев - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1293446283>

идея «Римского мифа», или мифа о наступлении «Золотого века». Это идея основывалась на древних греческих и римских преданиях о «Сатурновом царстве» - счастливом и беспечном состоянии человечества, полной всех благ невинной жизни людей. Пройдя долгую эволюцию, этот миф был переработан Вергилием. В его поэме высказывается мысль, что Рим – это богоизбранный город, которому подлежит повелевать и заботиться обо всех народах. Это город, который сами боги выбрали в качестве своего «земного» пристанища. Здесь же Вергилий кладет начало красивому пропагандистскому мифу, согласно которому сам Юпитер предназначил сыну богини стать предком основателей Рима (строго говоря, начало этому мифу закладывается им еще в знаменитой IV эклоге «Буколик», где Вергилий предрекает смену железного века золотым (Verg. *Ecl.* IV. 5-10). После завершения кровавых гражданских войн, «имперская пропаганда» сделала все, чтобы в сознании людей сложилась следующая мысль: «Вечный город выполнил начертанное ему историческое предназначение, установив после многовековой борьбы всеобщий покой и принеся всему миру так долгожданный народами «золотой век». Осталось совсем немного, по исполнению чего ему предстоит служить вечным гарантом всеобщей гармонии и согласия».

После установления рах Romana (римского мира) в 17 г. до н.э. торжественно празднуются Секулярные игры, главной повесткой которых было возвращение «золотого века». Все это было сделано для того, чтобы век Августа (*saeculum Augustum*) и золотой век (*saeculum aureum*) впредь стали синонимами в сознании римлян.

Веллей Патеркул так характеризовал «золотой век»: «Окончились гражданские войны, продолжавшиеся 20 лет, прекращены войны внешние, возвращен мир, повсюду исчез страх перед оружием, восстановлена сила законов, авторитет суда, величие сената, власть магистратов приобрела прежнее значение... был возвращен первоначальный и старинный образ правления.¹¹¹

¹¹¹ Смышляев, А. Л. Характер принципата / А.Л. Смышляев - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1293446283>

Тем не менее, в новых условиях нельзя была обойтись одним лишь обращением к традиционным римским ценностям. Разросшееся римское государство включило в себя многие народы, для которых римский традиционализм был пустым звуком. Именно поэтому необходимы были новые идеологические средства. Уже при Августе в пропаганде настойчиво повторяется мысль о том, что Рим - это родина всех племен, мать народов (*Genetrix hominum*), по выражению позднеимперского сенатора Симмаха, это государство, самими богами предназначенное для того, чтобы объединить народы для их же собственного блага. Оформляется державная идея "вечного Рима", что нашло свое выражение в творчестве Вергилия. Поэт считает, что Рим не обычный город, каких сотни, а именно тот, который боги избрали не только в качестве своего земного жилища, но и для главенства над миром.

Вышеуказанное логично дополняла идея об императоре как харизматическом лидере, посланнике богов, дарующем новый «золотой век». В Риме формируется императорский культ. Говоря о «культе императора», отметим, что это был единственный культ, официально насаждавшийся сверху, обязательный для всех подданных Империи (римские культы, включая Юпитера, таковыми не были) и имевший репрессивный характер¹¹². Культ императора имел два аспекта: обожествление личности правителя и его выдающихся деяний и обожествление статуса и власти, независимо от того, кто именно является их обладателем. Первое можно считать «культом героя», более характерным для греков, второе - «культом правителя», более типичным для восточного общества.

Можно сказать, что в стремительном росте императорского культа в Риме сыграли роль в равной степени две стороны: сам император и его народ. Римляне страстно желали видеть в своем императоре некую сверхъестественную силу, и видели ее¹¹³.

¹¹² Егоров А.Б. Культ личности и культ государства в религиозном почитании императоров I в. н.э. / А.Б. Егоров - URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon/2004/egorov.htm#3>.

¹¹³ Фрибус, Т. Ю. Юлии-Клавдии глазами римлян и варваров. / Т. Ю. Фрибус

Если говорить о коренных жителях старых, «умиротворенных» провинций, которые, считались этническими варварами, то для них римский император служил гарантом мира и стабильности, а потому ему весьма охотно воздавались божеские почести. Можно предполагать, что провинциалы были вполне искренни в своем почитании Августа. В некоторой степени это подтверждается словами Филона Александрийского, который называет Августа первым всеобщим благодетелем, которого чтит весь мир (Philo. De legat. 2. 2).

Таким образом, за исключением обещания о восстановлении *res publica* в речи наследника Цезаря не просматривается «республиканской» риторики. Это были вполне обычные заявления в духе римского «традиционализма», которым идеологи принципата пытались придать «республиканский» характер.

Так же отчетливо проявляется связь идеологии Августа с нравами, и традиционалистским менталитетом римских сословий. «Традиционализм», таким образом, является способом соединить Принципат с республиканскими представлениями, изобразить его как естественное развитие римской истории, как наступление «Золотого века», который наступил вместе с приходом к власти Октавина Августа. Однако, со временем чрезмерное увлечение традициями стало рассматриваться как проявление скрытой оппозиционности, как вызов тому новому, что принесла с собой Империя.

В период Раннего принципата распространяется императорский культ, который в Римской империи был призван играть роль идеи, сплачивающей общество. Внедрение этой идеи в массовое сознание играет до определенной степени положительную роль: ведь чем сплоченнее общество, чем более оно предано своему властителю, тем сильнее государство.

Итак, идеология Принципата отражает консервативную внутреннюю политику, нацеленную на укрепление власти императора, укрепление

// «Античный мир и археология». Вып. 11. Саратов, 2002. С. 117—123. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1472823091>

традиционной социальной иерархии, сглаживание острых социальных противоречий. Сформированная «имперская» идея на философском уровне объясняла постоянно возраставшие и расширявшиеся полномочия принцепса, закрепленные в серии правовых актов 20-10-х гг. I в. до н.э. Целью идеологии было примирение общества со сложившемся государственным строем. Новоизобретенная «имперская» идеология специально была ориентирована на все слои римского социума - от плебса до сената, а так же не римских граждан. Именно поэтому «имперская идея» состоит из нескольких составных частей, таких как «республиканизм», «традиционализм», в который входит и «римский миф», идея «державности» и «культ императора». Каждая из выделенных частей была ближе к представлениям и интересам определенной социальной группы. По замыслу идеологов Принципата, «имперская идея» должна была найти отклик в сердцах каждого римского гражданина. Как была принята «имперская идея» в обществе, как она эволюционировала и трансформировалась в период Раннего и Позднего Принципата можно проследить по произведениям писателей, поэтов, историков и общественных деятелей этой эпохи.

Глава III. Трансформация «имперской идеи» в I-II вв. н.э.

3.1. Идеология «восстановленной республики» в произведениях поэтов и писателей периода Раннего Принципата

Отношение римского общества к «имперской идее», ее принятие и неприятие, прослеживается по произведениям писателей, поэтов, публицистов эпохи Поздней Республики и Раннего Принципата. Через мысли, выраженные римскими общественными деятелями в письменной форме можно увидеть эволюцию императорской «идеологии», динамику отношения к ней социума, и процесс трансформации самой «имперской идеи». Более того, посредством идей, заложенных в произведениях, можно выявить социально-политические моменты, которые проводились в жизнь посредством «имперской идеи». Как мы уже говорили, своими корнями «имперская» идея уходит в республиканские времена.

Общепризнанно, что величайший римский оратор – Марк Тулий Цицерон «объективно в сфере политической идеологии расчищал дорогу принципату»¹¹⁴. Есть основания утверждать, что Цицерону и субъективно не была чужда монархическая идея, хотя в условиях реальной жизни он не видел приемлемых путей для проведения ее в жизнь. Основной вклад Цицерона в развитие римской монархической идеи мы видим в попытке теоретической разработки новой, римской, точнее, романизирующей концепции царской власти¹¹⁵.

В своих трудах Цицерон подчеркивает своеобразие отечественного образца царской власти. Особенно идеализируется основатель римского государства¹¹⁶. Ромул — идеальный правитель, справедливый царь (Cic. De re

¹¹⁴ Гримм Э. Указ. соч. - С. 219—220.

¹¹⁵ Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. - М., 1977 – С.219.

¹¹⁶ Межерицкий Я.Ю. «Модели единоличного правления» в идеологии Раннего Принципата / Я.Ю. Межерицкий Античная гражданская община. Межвузовский сборник научных трудов. М.; МГЗПИ, 1984. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1321199433>.

publica. I, 64), проявивший мудрость и справедливость во всех, больших и малых, начинаниях (Cic. De re publica II, 4—17). Цицерон, в частности, видит мудрость Ромула в понимании, что «посредством единоличного империя и царской власти можно лучше править государством, если к этому виду власти присоединяется авторитет всех лучших граждан», которых Цицерон называет «сенатом» (Cic. De re publica II, 15). Цицерон подчеркивает и особый римский порядок престолонаследия: «наши предки, хотя они были тогда дики, поняли, что следует требовать царской доблести и мудрости, а не царского происхождения» (Cic. De re publica II, 24).

Романизирующая «националистическая» модель римского монархизма была наиболее перспективной для раннего периода принципата, поскольку обосновывала компромисс между объективно необходимой единоличной властью и желанием старого правящего класса сохранить хотя бы некоторые из своих привилегий. Именно эта модель и легла в основу принципата Августа, на примере Цезаря и Антония, убедившегося в опасности следования «заморским» образцам¹¹⁷.

Сказанное относится и к трем величайшим римским поэтам, расцвет творчества которых приходится на время первого принципата. Ни один из них не усмотрел в установлении власти Августа ничего антиконституционного или антиреспубликанского. Более того, Вергилий, Гораций и Овидий приветствовали эту власть и по существу оказались глашатаями нового режима. Через их произведения прослеживается отношение общества к «имперской идее», а так же смысл императорской идеологии в период Раннего Принципата.

Наиболее ярко настроения римского общества после разрушительных гражданских войн отражает поэзия Вергилия. Выход из постигшей катастрофы он видел в возрождении Сатурнова царства, рождением

¹¹⁷ Межерицкий Я.Ю. «Модели единоличного правления» в идеологии Раннего Принципата / Я.Ю. Межерицкий Античная гражданская община. Межвузовский сборник научных трудов. М.; МГЗПИ, 1984. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1321199433>.

чудесного спасителя. Подобные идеи, широко распространившиеся в общественном сознании, не могли быть результатом чьего бы то ни было «заказа»¹¹⁸. Политика Октавиана, поворот к интересам гражданского населения Италии вызвал симпатии со стороны Вергилия (как и Горация)¹¹⁹. «Поэзия и политика в этот момент двигались навстречу друг другу, поскольку подпитывались одним и тем же источником — настроением италийцев» - пишет историк Я.Ю. Межеричкий.

Ставя вопрос об отношении Вергилия к «имперской идее», активно пропагандирующийся в этот период, нужно учитывать его психологическую установку. В основе мировоззрения Вергилия лежало сходство в понимании проблем, стоявших перед обществом, вера в великое будущее Рима, связанное с судьбой Августовой «восстановленной республики». Вергилий был мощным преобразователем идей и импульсов, шедших, с одной стороны, от правительства, а с другой — от различных слоев италийского гражданства. Поэтому изменение содержания произведений поэта служит индикатором изменений в идеологии и политике принципата¹²⁰.

Например, в «Георгиках» (36-29 гг. до н.э.) Вергилий, посредством воспевания сельскохозяйственного труда, проносит идею реставрации «республики» и древних нравов, в основе которых лежал труд земледельца. Помимо этого, поэма была созвучна Августовой политике наделения земель ветеранов и городского плебса. В результате этого мероприятия создавался слой, который должен был стать опорой режима Принципата.

«Буколики» подготавливали почву для Августовой идеологии реставрации и мира. Но самым явным свидетельством отношения Вергилия к

¹¹⁸ Межеричкий Я.Ю. «Модели единоличного правления» в идеологии Раннего Принципата / Я.Ю. Межеричкий Античная гражданская община. Межвузовский сборник научных трудов. М.; МГЗПИ, 1984. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1321199433>.

¹¹⁹ Гаспаров М.Л. Литература времени утверждения империи. АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. - М., 1983. - С. 459.

¹²⁰ Межеричкий Я.Ю. Поэзия и политика времени становления Принципата. / Я.Ю. Межеричкий. Сборник статей и очерков, посвященный 65-летию жизни и творчества поэта и исследователя античности Георгиса Я. Велласа. Афины, 2001. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1343248076>.

«имперской идеи» становится поэма «Энеида».

Заказчиком поэмы был сам Август, в число задач Вергилия входило прославление рода Юлиев. Однако поэт вышел далеко за рамки чисто «пропагандистских» задач¹²¹. Истинным предметом *Энеиды* стали не история, а миф, не Август, а Рим, не свершенные подвиги, а предопределенная миссия, которая отражала настроение римского общества. Человеком, который смог бы выполнить предопределенную для Рима миссию править миром, на которого Вергилий, как и многие другие римляне, стал возлагать большие надежды, стал Октавиан, тем более, что он был сыном Цезаря, которого поэт считал чуть ли не спасителем Италии (*Georg.*, I, 498—504). Октавиан как божественный спаситель, по мнению Вергилия, должен был бы вернуть римлянам старые обычаи (*Verg. Ecl.*, I, 43—46) и добродетель (*Ecl.*, IV, 27), исполнить свой обет богам и освятить по всему Риму 300 храмов, свою «божественной природой»¹²² возвращая богов в их любимый город, а римлян — к так необходимому им благочестию (*Aen.*, 715—716), благодаря чему в Рим опять вернется расположение богов и мир, а среди прочих народов распространится римское господство (*Aen.*, VIII, 720—721). Для достижения этих целей молодой Цезарь вполне достоин править римским народом и вести его за собой еще не знакомой Риму дорогой — дорогой принципата (*Georg.*, I, 39—42).

Еще не одно столетие римская политика направлялась «имперской идеей», с такой силой и откровенностью сформулированной в *Энеиде*:

«Твой же, римлянин, долг - полновластно народами править!

Вот искусства твои - предписывать миру законы,

Всех покоренных щадить и силой смирять непокорных» (*Aen.* VI, 847—853).

Не менее интересно проследить отношение общества к «имперской

¹²¹ Межерицкий Я.Ю. Поэзия и политика времени становления Принципата. / Я.Ю. Межерицкий. Сборник статей и очерков, посвященный 65-летию жизни и творчества поэта и исследователя античности Георгиса Я. Велласа. Афины, 2001. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1343248076>.

¹²² Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима - М., 1985 - С. 85.

идее» посредством творчества Горация. Поэт допускает возможность сравнения принцепса с древними героями, такими как Геракл, Кастор и Поллукс (Od., III, 14, 1—2; Ep., II, 1, 5—16). Ведь над Августом, как и над этими героями витает покровительство богов, которые, желая лучшего в первую очередь своему любимцу-городу Риму, хотят, чтобы этим великим государством Октавиан правил единодержавно (Od., I, 12, 49—52). Гораций же, благодаря заслугам Августа и его божественному происхождению, называет принцепса именно тем спасителем и защитником государства, которого так давно ждали римляне (Od., IV, 5, 1—9).

Тем не менее, Гораций, в отличие от Вергилия, был более оппозиционно настроен к установившемуся государственному строю. Уже после опубликования трех первых книг «Од» Гораций решил оставить поэзию. Случайно ли это совпало по времени с первым серьезным кризисом режима в 23 г. до н. э.? Как только наметилась трещина, обозначилось различие интересов правительства и знати, Гораций не мог не ощутить этого. Произведения поэта оказываются чувствительным индикатором изменений в общественных настроениях. Фактически, Гораций оказывается провозвестником не только будущих идеологов, но и критиков режима. Его стихи свидетельствуют о важных изменениях в общественном сознании, происходивших в первые десятилетия Принципата.

Можно сказать, что утомленное гражданскими войнами римское общество, которое жило традиционными римскими ценностями и представлениями, с радостью приняло идеологию «восстановленной республики», обещавшей мир и порядок, что нашло отражение в творчестве Вергилия. Однако, со временем, республиканская аристократия оказалась недовольна недостаточным консерватизмом режима, а главное – усилением личной власти Августа, о чем свидетельствуют стихи Горация и попытка оставить поэтическое поприще.

Для отражения общественных настроений и эволюции «имперской идеи» показательно творчество Овидия, поскольку его произведения также

содержат элементы «имперской идеи». По его мнению, боги издавна, еще когда и самого Рима не существовало, благоволили ему и предсказывали его зарождение (*Met.*, XV, 439—450). Именно они сделали так, что «римская земля ближе всего к небу» (*Fast.*, VI, 31—63), и сам Юпитер пообещал отдать во власть этому городу все земли (*Fast.*, VI, 359—360). Так Рим сделался главой мира, столицей всех земель (*Met.*, XV, 736; *Fast.*, V, 93). После того, как Рим объединил под своей властью все страны и народы (*Fast.*, II, 683—684), в него стали стекаться и иноземные боги, увидя мощь и силу этого града (*Fast.*, IV, 255—270). Но Рим был вознесен на вершину славы и могущества не одними стараниями бессмертных. Овидий убежден, что, если бы не труды и подвиги простых людей и не деяния выдающихся римлян, то Рим «так и остался бы селом с рядом соломенных крыш» (*Amor.*, II, 9, 17). И не только Рим вечен и славен благодаря деяниям своих граждан, но и их труды и достижения могут жить вечно, благодаря бессмертию Рима (*Met.*, XV, 875—879; *Amor.*, I, 15, 25).

Но труды Овидия интересны именно с социологической точки зрения, так как показывают изменение психологии римского социума и его отношение к идеологии «восстановленной республики». После установления мира во всей империи, *Pax Romana*, новому режиму совсем ни к чему были активные политические деятели масштаба Сципионов и Катонов. Их отсутствие рассматривалось как залог благополучия и спокойствия Принципата. В первые десятилетия Раннего Принципата мы можем проследить глубочайшее равнодушие к общественным интересам, аполитизм и утрату нравственных устоев, которые серьезно угрожали искусственно возведенным опорам «восстановленной республики». Овидий воплотил в поэзии картину неприятия окружающего мира, пренебрежения общественными интересами. Жизнь в стихах Овидия замыкается сферой «досуга».

«Пусть другие радуются древности, — поздравляю себя с тем, что родился лишь теперь» (*Ovid. Ars amandi* III. 121—122.), — эти слова были

девизом Овидия и его почитателей из среды римской золотой молодежи Овидий не скупился на похвалы Августу, но его славословия вряд ли могли удовлетворить принцепса, ибо восторги относились не к тому, произносились совсем не так и не с той «интонацией», как это следовало бы делать в соответствии с официальной идеологией восстановления республики и возрождения нравов предков. К концу своего правления Октавиан ощутил, что тенденции, отразившиеся в творчестве Овидия, набирают силу. И они несовместимы с идеями реанимации старинных римских добродетелей, игравшими столь важную роль в «восстановленной республике»¹²³.

Нужно отдать должное таланту Октавиана Августа, который сделал все возможное, чтобы максимально приблизиться к тому идеальному «принцепсу», образ которого был создан еще Цицероном на страницах трактата «De re publica». Однако, вопреки его концепции «восстановленной республики», уже в творчестве Овидия мы можем проследить намеки на скептическое отношение римлян к идее восстановления «древних нравов» и «традиционных ценностей».

Таким образом, если в начале правления Августа чувствовалась необходимость обосновывать его право на власть, укреплять зарождавшийся строй Принципата, что отразилось в творчестве Вергилия и Горация, то уже к первым десятилетиям I в. н.э. принципат окреп не только политически, но и идеологически был принят и одобрен римскими гражданами. Современники этих событий, по нашему мнению, вполне искренно приветствовали реформы, направленные на «восстановление республики», а вместе с ними воспринимали и те изменения в государственном устройстве, которые происходили во время правления Августа. Однако, проанализировав творчество Овидия, мы делаем вывод о появлении скептического отношения римлян к идее восстановления «древних нравов» и «традиционных ценностей». «Имперская

¹²³ Межеричкий Я.Ю. Поэзия и политика времени становления Принципата. / Я.Ю. Межеричкий. Сборник статей и очерков, посвященный 65-летию жизни и творчества поэта и исследователя античности Георгиса Я. Велласа. Афины, 2001. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1343248076>.

идея», заключенная в начале Принципата в рамки идеологии «восстановленной республики», выполнила свою роль консолидации римского общества и обоснования власти принцепса. В дальнейшем, в I-II вв. н.э., по мере усиления власти принцепсов и забвения республиканских традиций, «имперская идея» постепенно трансформируется в идеологию абсолютистского режима.

3.2. «Имперская идея» как идеология абсолютистского режима

Изучая историю Римской империи, многие исследователи все события и факты политической жизни рассматривают с точки зрения личности императора, его характера и качеств¹²⁴. С позиций исторической психологии, это, безусловно, важно, но мы должны понимать, что государственная идеология, какой была «имперская идея», всегда отражает интересы и стремления правящего класса. Поэтому, без достаточного учета воздействия объективных социально-экономических факторов, изменений в социальных структуре римского общества, невозможно достаточно проследить эволюцию «имперской идеи» в период Принципата.

«Не расстраивать уже сложившихся отношений— таков был девиз политики нового принцепса - Тиберия (Тас., Ann., II, 65). Но, вопреки этому, уже при втором принцепсе начался отход от тех идеологических постулатов, которые были выработаны при Августе. В первом предложении «Анналов», Тацит прямо заявляет: «Городом Римом от его начала правили цари». Всего шесть латинских слов, но они бросают смелый вызов идеологическим основам режима и заверениям Августов, что они не являются монархией в старом смысле слова. Был ли прав Тацит? На наш взгляд, уже первые императоры отошли от многих важных принципов «имперской идеи» периода Октавиана.

¹²⁴ Сергеев В.С. Принципат Тиберия. / В.С. Сергеев. Вестник древней истории, 1940 г., № 2 (11) - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1377237662>.

Программа Августа была, думается, основана на двух идеях, сформулированных Титом Ливием и Вергилием, а так же другими поэтами Раннего Принципата. Согласно первой идее, «политическое завещание» Ромула обещало, что в мире нет сил, способных противиться римскому оружию¹²⁵. Вергилий утверждал: власти Рима не будет конца ни в пространстве, ни во времени. Августу оставалось «лишь» воплотить эти пункты в жизнь.

Однако уже после поражение легионов Вара в Тевтобургском лесу, восстания в Паннонии, о беспрекословном подчинении всего обитаемого мира римскому оружию не могло быть и речи. Более того, «политическое завещание» Августа предусматривало принцип не расширения границ римской империи, однако уже при Тиберии и последующих императорах от него сразу же отказались.

Во внутривластном состоянии Римской империи, августовском Pax Romana, сразу же появились трещины. Как мы уже отмечали выше, рассматривая эволюцию «имперской идеи» необходимо учесть классовую природу императорской власти. Классовая борьба периода Принципата отлично описана историком В.С. Сергеевым: «Все возраставшая численно плебейская масса... была лишена политических прав и находила выражение недовольству существующим строем в военных бунтах, восстаниях, покушениях... Государственная организация... преследовала цель подавления какого бы то ни было недовольства существующим строем... Но положение государственной власти осложнялось еще и тем, что в среде самого высшего класса не существовало единства интересов... У каждой группы имелся свой кандидат на императорский трон... Аристократия в целом, в особенности ее верхний слой, стремились ограничить императорскую власть...»¹²⁶.

Действительно, необходимо понимать, что, теоретически, римское

¹²⁵ Парфенов В.Н. К проблеме преемственности европейской политике Августа и Тиберия - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1343248076>.

¹²⁶ Сергеев В.С. Принципат Тиберия. / В.С. Сергеев. Вестник древней истории, 1940 г., № 2 (11) - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1377237662>.

государство в эпоху Принципата представляла собой организованный коллектив римских граждан, персонифицируемый в особе императора. Но, практически, императорский режим еще не окреп, администрации в современном понимании этого слова, как это показано в работе Миллара¹²⁷, фактически не было, а действующий административный аппарат замыкался, в конечном счете, на принцепса.

В таких условиях, императорский режим должен был постоянно лавировать между интересами сената, всадников, магнатов, и численно огромной плебейской массы. В то же время, принцепсы испытывали постоянное давление оппозиции, которая в I в. н.э. периодически осуществляла государственные перевороты.

Однако же, сам ход римской истории неизбежно вел к укреплению Принципата. По мере развития политической системы принцепсов, аристократия превращалась в служилую знать, чиновников и слуг государства¹²⁸. Их имущество постоянно конфисковалось, продавалось с аукциона или же переходило в императорский фиск. Концентрация финансовой и военно-политической силы в руках принцепса повышала его авторитет в отношении сената, senatorского и всех остальных сословий римского общества. Вместе с тем росла и материальная опора императора как первого гражданина римского государства. Император Тиберий так же изменил порядок отношений принцепса и сената. Уехав на остров Капри (Тас. Ann., IV, 57), из главы сената он превратился в господина, посылающего сенаторам свои письменные распоряжения¹²⁹. Таким образом, традиция Августа, когда принцепс правит вместе с сенатом и как его глава, была нарушена. Тем временем, в мире идей республиканские традиции превращались в далекие идеалы

¹²⁷ Millar F. The fiscus in the first two centuries // The Journal of Roman studies. - 1963. - №53. - P. 36.

¹²⁸ Pflaum H. G. Principes de l'administration romaine imperiale // Bull. de la Fac. de lettres de Strasbourg. - 1958. - P. 195.

¹²⁹ Smith Ch. E. Tiberius and the Roman Empire. – Oxford, 1942. - P. 223.

прошлого, в «воспоминания о республике»¹³⁰. Можно согласиться, что в самой природе императорской власти была заложена тенденция к абсолютизму или доминату¹³¹.

Таким образом, на почве постоянных конфликтов между императорами, стремящимися увеличить собственную власть, и римскими аристократами, желающими императорскую власть ограничить, и проходит римская история периода Принципата. Однако, разрозненная аристократия, не имея общих интересов, постоянно уступала принципсам все большие возможности единоличного правления, вынужденно встраиваясь в модель автократического правления императоров. Но, по своей сути, классовая природа императорской власти от этого не изменилась. Римская империя с начала до конца оставалась аристократическим государством, хотя социальный и персональный состав высшего слоя постоянно менялся.

Выше мы кратко показали социально-политический фон развития Римской империи в период Принципата. Трансформация «имперской идеи» протекала в рамках классового противостояния. Однако нас интересует в первую очередь процесс динамики превращения «имперской идеи» в идеологию абсолютистского режима, что нашло своей отражение в римской и греческой письменных традициях.

Хотя управление государством из общего дела, каким оно было при республике, стало прерогативой принцепса и его приближённых, прочие римляне отнюдь не перестали на свой лад «заниматься политикой». Увлечение литературой, историей и философией, каким бы модным оно ни было, не могло захватить умы граждан Вечного города всецело: на первом месте в списке их интересов всегда стояла политика. И чем меньше оставалось у них возможностей реально участвовать в делах государства, тем больше дорожили они своим последним правом — правом обсуждать и критиковать действия

¹³⁰ Gowing A. *Empire and Memory. Representation of the Roman republic in Imperial Culture.* - Cambr., 2005. - P. 4.

¹³¹ Сергеев В.С. Принципат Тиберия. / В.С. Сергеев. Вестник древней истории, 1940 г., № 2 (11) - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1377237662>.

власти¹³². Идеологическая борьба, исход которой решался в невидимой сфере общественного сознания, прорывалась наружу то на форуме, где велись риторические споры, то в амфитеатрах, то в мрачных закоулках дворцовых переходов, то в изображениях и легендах на монетах, то на страницах философских трактатов.

Борьба шла с переменным успехом и заканчивалась компромиссами Августа, Веспасиана, Траяна; но каждый последующий компромисс, в сущности, был новой вынужденной уступкой пришедшим с Востока идеям и представлениям: сохраняя формально республиканские атрибуты (сенат и магистратуры дожили до конца Западной Римской империи), государство развивалось в направлении к монархии восточного типа¹³³. Как трансформировалась «имперская идея» в период Принципата?

Первоначальная «имперская идея», заключенная в рамки идеологии «восстановленной республики», перестала отвечать реалиям политического развития Римской империи, государственный строй которой в I-II вв. н.э. все более становится авторитарным и абсолютистским. «Имперская идея», таким образом, должна была эволюционировать в соответствии с изменением политических реалий, обеспечивать и обосновывать сложившийся порядок вещей, единоличную власть императоров.

Идеологическая модель Августа, будучи в каких-то отношениях весьма крепкой, в других требовала постоянного и рискованного поиска равновесия. Некоторые вопросы остались угрожающе неразрешенными. В более общем смысле сохранялись неудобные вопросы о том, как определять и формулировать власть высшего правителя римского мира. Например, как идея, что властитель – лишь «первый среди равных», уживается с невероятными почестями и почти божественным статутом императора? И

¹³² Буассье Г. Оппозиция при Цезарях. Собр. соч. Т. II. - СПб., 1993. - С. 71.

¹³³ Межеричкий Я.Ю. «Модели единоличного правления» в идеологии Раннего Принципата / Я.Ю. Межеричкий Античная гражданская община. Межвузовский сборник научных трудов. М.; МГЗПИ, 1984. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1321199433>.

все-таки насколько близким к божеству считать правителя империи?

Тиберий, будучи принцепсом, запретил называть себя богом, строить храмы и пр. Степень богоподобия правителя была еще одним упражнением в эквилибристике, которое оставил своим преемникам в наследство Август, сидевший разом на двух стульях, человеческом и божественном, более успешно, чем некоторые из его потомков¹³⁴.

Богословие императора и его семьи гораздо более тонко и распадается на две части: божественный статус живущего императора и умершего. Император все еще находился под защитой богов Олимпа, а не становился на их уровень. В Риме жертвы принимала «сила» правящего императора, а не он сам. Но все менялось, когда император умирал. Следуя модели Юлия Цезаря, сенат мог решить включить почившего императора или его близкого родственника в официальный пантеон. Нерон похвалялся, что ни один император до него не понимал, что дает принципат (Suet. Nero. 37), а Антонин Пий, став принцепсом, сказал жене, что теперь потерял и то, что имел (SHA. Pius. 7). Если один принцепс считал себя стоящим выше богов, то другого хвалили за то, что он вел себя как рядовой сенатор. В рамках самого принципата на протяжении I-II вв. существовал, таким образом, широкий диапазон интерпретации прав и полномочий принцепса, его «божественности».

Определенные изменения произошли и в отношении общества к «императорскому культу» - составной части «имперской идеи». По началу, императорский культ был идеей, сплачивающей общество. Однако уже при Нероне, в своей безудержной погоне за преданной любовью и при своей необузданной жестокости он совершил много того, что, как выразился Тацит, «превосходит всякую меру». Можно сказать, что здесь император перешел ту самую критическую точку, после которой в массовом сознании сограждан начался обратный процесс: любовь начала переходить в ненависть¹³⁵.

¹³⁴ Бирд М. Указ. соч. – С. 526.

¹³⁵ Фрибус Т. Ю. Указ. соч.

«Имперская идея» так же продолжала свое выражение в титулатуре императоров. Во многом, она сходна с августовой, а ее неустойчивость выражается в целом ряде факторов. Во-первых, какой-либо элемент титула может отсутствовать. Так, Клавдий вообще не пользовался императорским преноменом, которого практически нет и в надписях Нерона. Более того, в источниках содержится совершенно определенное указание на то, что Клавдий от этого преномена вообще отказался (Suet. Claud. 12). Светоний сообщает об аналогичном отказе Тиберия (Suet. Tib. 26), хотя в его надписях титул иногда встречается. Звание отца отечества Тиберий взял только в 31 г., т. е. через 17 лет после прихода к власти, не сразу принимает его и Нерон¹³⁶.

Еще один важный аспект «имперской идеологии» - «республиканизм», претерпел в период Принципата важные изменения. Это связано с эволюцией римского общества. В эпоху Принципата положение римского плебса изменилось к лучшему, и он поддерживал новый политический строй. Римский сатирик Ювенал (начало II в. н. э.) с горечью писал, что народ жаждет лишь «хлеба и зрелищ», а о делах государственных, после того как перестал торговать своими голосами, он не желает и думать. Об этом же говорит и философ Сенека. Римское общество представляется Сенеке «неизмеримой людской массой, раздираемой несогласиями; мятежной, не владеющей собой, готовой неистовствовать как себе, так и другим на погибель», если бы ей удалось свергнуть ярмо власти принцепса (De clem. I. 1. 1). Когда после убийства полубезумного тирана Калигулы в 41 г. н. э. сенаторы под охраной городских когорт собрались на заседание и решили на самом деле восстановить республику, против них выступили преторианцы и масса римских плебеев, требовавших, чтобы сенаторы дали им нового принцепса. Так была сорвана последняя попытка подлинного возвращения к «строю предков»¹³⁷. Все равно убийство Гая ничего не изменило в самом строе: пришлось окончательно

¹³⁶ Егоров А.Б. Проблема титулатуры римских императоров // Вестник древней истории. - 1988. - № 2. - С. 162.

¹³⁷ Смышляев А. Л. Характер принципата. / А.Л. Смышляев. Сайт «История Древнего Рима», 2010 - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1293446283>.

уяснить, что императоры закрепились навсегда, и в долгосрочной перспективе этот акт не имел большого влияния на историю императорского Рима. Таким образом, по мере развития Принципата, идеологический аспект «республиканизма» постепенно нивелируется за ненадобностью.

Глубокое понимание состояния современного общества побуждало Сенеку не только мириться с монархией, но и обосновывать ее необходимость: единовластие, подчинение самому сильному и лучшему — в природе вещей. Главное, чтобы это был действительно лучший, тот, кто рассматривает свою деятельность как исполнение обязанностей, а не властвование. Умудренный первыми десятилетиями Принципата, Сенека приводит к выводу, что наихудшее зло – это гражданские войны. С утратой надежды на возврат «свободы» связана беспощадная республиканцев. Философ приходит к выводу о бессмысленности участия в том, что сохранило название *res publica*, но, в сущности, стало достоянием принцепса и его администрации. Плодами размышлений философа явился образ «идеального принцепса». Тем не менее противоречия чрезвычайно чуткого к социальным напряжениям сознания Сенеки указывают, что универсалистская Империя во многом еще мыслила и чувствовала по римским «республиканским» меркам¹³⁸. Таким образом, Сенека выработал довольно стройную систему, становясь, таким образом, первым теоретиком принципата.

Идея «державности» Рима, предназначения управления всеми народами корректируется внешнеполитическими неудачами, указанными нами в начале данного параграфа. Вергилиевская идея, о том, что Риму предназначено «всеми народами править» в новых условиях проходит интересную трансформацию: от этой идеи не отказываются, но она облагается в новую форму. Компенсировать утраченные в реальной жизни триумфы над

¹³⁸ Межеричкий Я.Ю. «Полисные» и «неполисные» элементы в мировоззрении Сенеки. К вопросу о ментальных основах «республиканской» идеологии принципата. / Я. Ю. Межеричкий. Социально-политические, идеологические проблемы истории античной гражданской общины. Межвузовский сб. научных трудов. Под ред. И. С. Свенцицкой и др. — М.: МГЗПИ, 1991- URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1321199433>.

варварами решили с помощью искусства и символики - повсеместно возвышающиеся статуи императоров, бросающиеся в глаза изображения покоренных, связанных варваров¹³⁹. Идея о том, что Рим – родина всех народов, была так же решена чисто утилитарным способом. Особенностью имперского режима стало возраставшее взаимодействие с элитами покоренных народов. Те, в свою очередь, все больше осознавали свои связанные с римлянами интересы, как культурные, так и политические. Им все больше нравилось принимать участие в римском проекте на своих условиях. Самые успешные представители элиты получали римское гражданство, а затем и должности в центральном правительстве. И для этих людей и их семей взаимодействие с римской властью было опытом становления римлянами¹⁴⁰.

Последняя, основная часть «имперской идеи» - традиционализм, прошла неоднозначную трансформацию. С одной стороны, римляне по-прежнему мыслили себя в рамках полисных традиций, с характерными римлянам добродетелями – *pietas*, *fides* и т.д. Но на уровне государственной политики «традиционализм» заметно менялся. Особенно это заметно на примере императора Клавдия. Вместо того, чтобы с пылом фанатика взять на вооружение и усилить реставрационный элемент политики своих предшественников, что должно было бы вытекать из любви к древностям, Клавдий оказался разрушителем традиции и новатором. Празднование Столетних игр через шесть с небольшим десятилетий после предыдущих было одним из примеров своеобразного вызова императора-историка Августовой традиции. В самом деле, болезненный и жалкий с виду Клавдий был антиподом классически-идеальным изваяниям «древних мужей», установленным на форуме Августа, невольно оказываясь еще одним вызовом идеологии режима, как и «имиджу» самого принцепса. Но, конечно же, дело было не только во внешности, и сам Август мало напоминал свои статуи в образе Марса или Юпите-

¹³⁹ Бирд М. Указ. соч. – С. 593.

¹⁴⁰ Там же. – С. 603.

ра. Дело было в том, что Клавдий по-своему понимал римский «традиционализм». По складу своего мышления Клавдий не был консерватором, а скорее реформатором, использовавшим историческую традицию для обоснования новшеств. На практике это выливалось в политику, направленную против привилегий знати, в духе противостояния принцепса и сената. Но нельзя сказать, что Клавдий полностью отошел от постулатов августовской «имперской идеи». Например, тема гражданских войн и триумvirата, в результате которых Октавиан ценой жизней десятков тысяч сограждан пришел к власти, по-прежнему находилась под запретом для обсуждения.

Еще более сильно боролся с «традицией» Нерон, который не занимался реставрацией старого, а созданием нового. Символом этого стал пожар Рима, когда гибли старые дома, чтобы расчистить место для новых. Фактически, Нерон проводил определенную линию обесценивания прошлого, что не вписывалось в рамки августовского «традиционализма»¹⁴¹.

Таким образом, уже в I в. н.э. мы можем наблюдать существенную трансформацию «имперской идеи» во всех ее ключевых компонентах.

Во II в. н.э. «имперская идея» еще более эволюционирует в сторону абсолютизма. Несмотря на то, что этот период называется периодом «хороших императоров»: Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия и Луция Пия, политический строй Принципата начинает мало чем отличаться от откровенной монархии¹⁴².

Показательно в этом отношении рассмотреть образ жизни Принцепса, который, в модели августовской «имперской идеи», должен был отвечать римскому «традиционализму». С 14 по 192 г. дворец – штаб-квартира имперской власти – значительно разросся, как и персонал имперской администрации, а инфраструктура стала намного более сложной. А еще к

¹⁴¹ Короленков А.В. Память о республике (о недавней книге Э.М. Гоуинга) / А. В. Короленков. *Studia historica*. Вып. XI. М., 2011 - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1321199433>.

¹⁴² Бирд М. Указ соч. – С. 490.

началу II в. император в глазах подданных стал выглядеть совершенно иначе. Образ жизни императоров красочно описан в работе известного современного историка Мэри Бирд: «Первый Август специально подчеркивал тот факт, что в материальном плане он живет более или менее по традициям римских аристократов. Однако несколько десятилетий спустя императоры стали жить с такой роскошью и расточительностью, с которой ничто в западном мире не могло сравниться. Во II в. до н.э. самый большой дом в Помпеях (дом Фавна) был приблизительно равен по площади дворцам некоторых царей Восточного Средиземноморья. Во II в. н.э. вилла, которую Адриан построил в Тиволи, в нескольких милях от Рима, оказались больше, чем целый город Помпеи. Там он воссоздал для себя Римскую империю в миниатюре, с копиями самых грандиозных имперских памятников и сокровищ – от системы каналов Египта до знаменитого храма Афродиты в городе Книде, с еще более знаменитой обнаженной статуей богини. Несколько домов на Палатинском холме, которые занимал Август, при его преемниках сделались полномасштабным дворцовым комплексом»¹⁴³.

Т.е., очевидно, что во II в. до н.э. от первичного августовского образа «идеального принцепса» ничего не осталось. Однако, это только часть картины. Стоит учитывать, что большинство римских правителей проводили больше времени за письменным столом, чем возлежа на банкетах. От них ожидалось, что они будут работать, осуществлять практическую власть, отвечать на прошения, разрешать споры по всей империи и выносить вердикты в сложных судебных делах, вплоть до таких, которые со стороны кажутся совершенно тривиальными. Уже первые императоры из числа «хороших», Нерва и Траян вернули принципат на путь, намеченный ещё Августом: путь компромисса и непрерывного поиска приемлемой формы сосуществования авторитарной власти и гражданского общества¹⁴⁴. Именно в

¹⁴³ Бирд М. Указ. соч. – С. 497.

¹⁴⁴ Вержбицкий К.В. Традиционные формы общения у римлян и оппозиция Юлиам Клавдиям. /К.В. Вержбицкий. Вестник Санкт-Петербургского университета, 1999 — URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1386065904>.

ходе этого поиска происходит важное изменение в «императорской идеологии» политической власти, а именно – изменение в системе престолонаследия.

С конца I в. н.э., между Нервой и Марком Аврелием наследников престола избирали и усыновляли без учета родственных отношений. У некоторых не было никакой связи с текущим властителем ни по крови, ни по браку, или эта связь была отдаленной и сами они происходили из провинции. Траян, первый из таких приемных сыновей, был выходцем из Испании, семьи остальных происходили или оттуда же, или из Галлии. Но это можно понимать и как наиболее яркий пример римского «проекта включенности»: император может происходить из имперских провинций¹⁴⁵. Эту новую систему, которая действовала большую часть II в., иногда представляли в качестве значительного изменения идеологии политической власти, чуть ли не как меритократическую революцию. Но, несмотря на это, во 2-й половине II в. положение принцепса становится все более исключительным, вплотную приближаясь к абсолютизму.

Уже в конце II в. н.э. модель принципата Августа себя истощила, начиналась затяжная полоса кризисов и бедствий. Историк Дион Кассий, современник Коммода и императоров из династии Северов (193—235 гг. н. э.), считал, что со смертью Марка Аврелия на смену царству из золота пришло царство из железа и ржавчины. Современные историки называют это концом «августова мира». Не за горами был конец эпохи Принципата.

При Коммодe (180—192 гг.) внешний кризис дополнился внутренним. Нарушается почти столетнее антониновское «согласие» императора и сената, а на репрессии Коммода сенат отвечал заговорами и мятежами. Коммод стал опираться на внесенатский аппарат во главе с префектами претория (Переннис, затем — Клеандр), а итогом кризисного развития стало убийство Коммода, эфемерное правление «сенатского императора» Пертинакса и разгул преторианцев, что привело к гражданской войне 193—197 гг., первой такой

¹⁴⁵ Бирд М. Указ соч. – С. 511.

войне после 68—69 гг. Эта война была не только войной армий, но и борьбой между регионами, что стало прообразом будущего распада. Правление Септимия Севера (193—211 гг.), несмотря на императорские декларации, стало временем разрыва с антониновской системой. Подавление сената, репрессии, усиление бюрократии, провинциальная политика и рост налогов и особенно превращение империи в военную монархию и подавление гражданского общества во многом предвосхитили реформы Диоклетиана, поставив общество перед мрачным выбором между военной монархией и распадом державы.

Таким образом, автократический режим, установленный первым Августом, опирался на политические институты и понятия, уходящие корнями в самое начало римской истории. Августинская модель императорского правления обеспечивала относительно устойчивую политическую структуру на протяжении почти двух столетий после смерти Августа в 14 г. Императоры периода Принципата продолжали следовать прецеденту, установленному Августом: наращивать свою власть, выставлять напоказ свою щедрость к народу и демонстрировать военную мощь.

На фоне следования политическим лекалам, установленным Августом, а иногда и вопреки с ними, как это было, например, при Клавдии и Нероне, эволюционировала и трансформировалась императорская идеология — «Имперская идея». В период Раннего Принципата «Имперская идея», заключенная в рамки идеологии «восстановленной республики», выполнила свою роль консолидации римского общества и обоснования власти принцепса. В дальнейшем, в I—II вв. н.э., по мере усиления власти принцепсов и забвения республиканских традиций, «имперская идея» постепенно трансформируется в идеологию абсолютистского режима.

Однако трансформация «имперской идеи» не означает полного отказа от постулатов Августовского правления. Правильно будет признать, что идеологические фикции, внесенные Августом в общую организацию государственных отношений, имели некоторую жизненность во II, как и позднее, даже в III веке, хотя империя не переставала быть монархией, как ее всегда и

называли греки.

В итоге, прежняя модель с ее хрупким равновесием не смогла установить четких правил престолонаследия и наладить действенные связи между императором и сенатом. Стоило ею пренебречь, как она рассыпалась. Каковы бы ни были причины, новый Рим, который выбрался из кризиса III в., не напоминал уже ничего из того, что мы изучали в ходе римского первого тысячелетия, а, вместе с ним, «имперская идея» приобретает уже совсем иное смысловое значение.

Заключение

Целью данной работы являлся анализ роли и места «имперской идеи» в менталитете древнеримского общества, установление связи между идеологией, менталитетом и политической культурой. Для достижения указанной цели нами был поставлен ряд задач, которые в ходе данной работы были выполнены:

I. Мы показали основные черты менталитета древнеримского общества периода Поздней республики. На этом этапе истории римское общество предстает нам в виде военизированного «лагеря» суровых пахарей, окруженного кольцом врагов, вынужденного самой жизнью отстаивать и защищать свою независимость. В основе этого общества лежали нравы предков – *mores maiorum* – негласные, но в то же время нерушимые сакральные моральные требования к каждому отдельно взятому гражданину. В системе ценностей древнеримского общества этого периода наиболее четко выражены такие понятия как *pietas*, *fides virtus*, *modestia* и *abnegation*.

Но уже к периоду Поздней Республики естественной формой жизнедеятельности римского общества было постоянное стремление к завоеваниям или, выражаясь современным языком, чистейшей воды империализм. Тем более что его непрерывно стимулировала своими запросами формирующаяся демократия. И, если вследствие данной политики во внешней сфере, Рим стал крупнейшей державой того времени, то во внутренней политике новое положение Рима послужило основой для радикального перерождения патриархального гражданского общества в некое космополитическое единство эпохи Империи, проникнутое духом предпринимательства и наживы.

II. Были выявлены причины трансформации древнеримского менталитета и предпосылки зарождения «имперской» идеологии, появившейся в период кризиса Республики и становления Принципата.

Рубежом ментальной трансформации служит период гражданских войн. Этап гражданских войн являет собой революционные изменения в менталитете древнего Рима, то, что можно назвать настоящей ментальной революцией – радикальной сменой системы ценностей Римского общества вследствие огромных перемен в экономике римского полиса, вызванных успешной территориальной экспансией в духе римского империализма. Именно в этот период появляется теория «упадка нравов» как реакция на отход от «нравов предков», распространение религиозного неверия, моральный индифферентизм, политический оппортунизм и недисциплинированность, презрение к традициям и спекуляция.

Более того, на наш взгляд, гражданские войны стали закономерным этапом развития идеологических «имперских» представлений в сознании римских граждан. Легионеру, надеющемуся на получение земельного участка, или обычному земледельцу, разоренному и обездоленному, нужна была сила, которая могла бы решить все проблемы. Такой силой стали могущественные полководцы, авторитет и власть которых стали огромны. По нашему мнению, связь этого своеобразного "культа полководца" с "имперской идеей" очевидна, учитывая, что именно полководцы правили Римом в этот период.

III. Мы выявили и охарактеризовали изменения в менталитете древнеримского общества в период Раннего Принципата. «Имперский» этап ментальной трансформации Рима отмечен утратой ценностей республиканской эпохи, таких как республиканизм и демократизм, неприятие единоличной власти «царей», военная доблесть и самоотверженность. Именно в этот период широко распространяются такие качества, отмеченные античными авторами, как эгоизм, индивидуализм, лицемерие, жажда наживы, культ денег, политический индифферентизм и верноподданничество. В то же время, уже в I в н.э. происходит синтез греко-римской традиции, образуется единая культурная идентичность. Рим в сознании граждан перестает быть просто полисом, он становится центром

Италии, Империи, всего Мира – ойкумены. Рим начинает мыслиться как вечный, непреходящий город, который простоит тысячелетия на славу всему человечеству - *Aeterna Roma*.

IV. Мы проанализировали идеи и мифы, предшествовавшие появлению «имперской идеи», а так же установили связь между ними. Так основной идеей был «римский миф», который, вытеснил, видимо, некогда существовавшие примитивные мифы о создании мира и людей. Потребность в них стала удовлетворяться за счёт проникновения в Рим развитой греческой мифологии и отождествления римских богов с греческими. Заимствование греческих богов началось не позднее кон. VI — нач. V вв. до н.э. с введения культа Аполлона, затем римляне стали знакомиться с греческими мифами и греческими религиозно-философскими течениями. Интерпретируя мифы, ведущие государственные деятели стали претендовать на божественное происхождение (первым в этом смысле был Сципион Африканский), на особое покровительство божества (Сулла и Цезарь — на покровительство Венеры, Антоний — Геркулеса и Диониса). В провинциях распространялся культ полководцев. Так был подготовлен императорский культ, начавшийся с обожествления Цезаря и Августа, а затем его преемников. Императоры отождествляли себя с богами, их жёны — с богинями. С установлением империи «римский миф» в связи с обострением социальных противоречий, отстранением народа от участия в государственных делах, утратой Римом его характера гражданской общины, начал всё более терять свою популярность. В то же время не вызывает сомнений, что «римский миф» содержал в себе имперский потенциал. Превращение «римского мифа» в имперскую идеологию шло параллельно с превращением Вечного Города в мировую державу.

V. Мы показали процесс правового оформления власти принцепса и «идеологии» императорского Рима в рамках Принципата. Мы выяснили, что в первые десятилетия существования Принципата серией правовых актов были юридически оформлены основы единоличной императорской власти.

Основными договорами, утверждающими основы власти принцепса, стали договоры от 27 г. до н.э., когда Октавиан получил Imperium, одновременно с титулом Augustus; соглашение о разделе власти над провинциями 27 г., в соответствии с которым император получил в единоличное пользование половину территории империи, где находились легионы – реальная сила, на которой держалась императорская власть в период Раннего Принципата; договор от 23 г. до н.э., когда принцепсу была дарована tribunicia potestas – пожизненная трибунская власть; договор от 19 г. о принятии консульского авторитета вне очереди. Также оформление единоличной власти императора сопровождалось рядом других, менее значимых правовых положений. Между тем, правовое оформление императорской власти было лишь одним из элементов в деле легитимации государственного строя Принципата в глазах общества. Сложившийся порядок вещей нельзя было обосновать только юридически, для этого понадобилась целая государственная «идеология», которой и стала «имперская идея».

VI. Мы рассмотрели структуру «имперской идеи» на основе выявленных правовых оснований императорской власти. «Имперская идеология» Принципата формировалась в русле консервативной внутренней политики, нацеленной на укрепление власти императора, традиционной социальной иерархии, что нашло отражение в правовых документах 20-10-х гг. I в. до н.э., рассмотренных нами в параграфе 2.2. Сформированная «имперская» идея на философском уровне объясняла постоянно возрастающие и расширяющиеся полномочия принцепса. Целью «идеологии» являлось примирение римского общества со складывающимся строем Принципата. Чтобы достигнуть поставленную цель, «имперская идеология» должна была ориентироваться на все слои римского социума - от плебса до сената, а так же не римских граждан. Фактически, на основе этого можно выделить специфические составные части «имперской идеи»: «республиканизм», «традиционализм», в который входит и «римский миф», идея «державности» и «культ императора». Каждый структурный элемент

«имперской идеи» был ближе к представлениям и интересам определенной социальной группы. По замыслу идеологов Принципата, «имперская идея» должна была найти отклик в сердцах каждого римского гражданина.

VII. Мы проанализировали отношение общества к «имперской идее» через произведения поэтов и писателей периода Раннего Принципата, в произведениях которых мы находим отражение общественного мнения рассматриваемой эпохи. Мы выяснили, что, если в начале правления Августа чувствовалась необходимость обосновывать его право на власть, укреплять зарождавшийся строй Принципата, что отразилось в творчестве Вергилия и Горация, то уже к первым десятилетиям I в. н.э. принципат окреп не только политически, но и идеологически был принят и одобрен римскими гражданами. Общественное мнение Раннего Принципата вполне искренно приветствовали реформы Августа, направленные на «восстановление республики». Однако, уже к концу правления Октавиана Августа обозначается тенденция скептического отношения римлян к идее восстановления «древних нравов» и «традиционных ценностей», что отражает творчество Овидия. «Имперская идея», заключенная в начале Принципата в рамки идеологии «восстановленной республики», выполнила свою роль консолидации римского общества и обоснования власти принцепса. В дальнейшем, в I-II вв. н.э., по мере усиления власти принцепсов и забвения республиканских традиций, «имперская идея» постепенно трансформируется в идеологию абсолютистского режима.

VIII. Мы обозначили динамику превращения «Имперской идеи» в идеологию абсолютистского режима. Августинская модель императорского правления обеспечивала относительно устойчивую политическую структуру на протяжении почти двух столетий после смерти Августа в 14 г. Императоры периода Принципата правили в рамках того политического строя, основы которого заложил Октавиан Август, руководствовались политическим прецедентом его правления, в который входило планомерное наращивание императорской власти, проявление щедрости народу,

демонстрация военной мощи и т.д. На фоне следования политическим лекалам, установленным Августом, а иногда и вопреки с ними, как это было, например, при Клавдии и Нероне, эволюционировала и трансформировалась императорская идеология – «Имперская идея».

В период Раннего Принципата «Имперская идея», заключенная в рамки идеологии «восстановленной республики», имела своей главной целью консолидацию римского общества после разрушительных гражданских войн и обоснование сложившейся в их результате власти принцепса. В дальнейшем, в I-II вв. н.э., по мере усиления власти принцепсов и забвения республиканских традиций, «имперская идея» постепенно трансформируется в идеологию абсолютистского режима. Тем не менее, трансформация «имперской идеи» не означает полный отказ от первоначального варианта, установленного постулатами Августовского правления. Напротив, следует сказать, что те идеологемы и идеи, внесенные Августом и его идеологами в массовое сознание, общую организацию государственных отношений имели некоторую жизненность во II, даже в III веке. Однако, «имперская идея» уже не несла в себе того «республиканского элемента», который был так четко выражен в ее первоначальном варианте Раннего Принципата. Уже к завершению существования политического строя Принципата, в конце II в. н.э. «имперская идея» приобретает уже совсем иное смысловое значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

І. Источники

1. Аврелий Виктор. *Sextus Aurelius Victor. De viris illustribus* // The Latin library. - URL: <http://www.thelatinlibrary.com/victor.ill.html>. Рус. пер.: Римские историки IV в. - М.: РОССПЭН, 1996. - С.77-224, 330-371.

2. Аммиан Марцеллин. *Ammiani Marcellini. Res Gestae* / Ed. W. Seyfart. - Leipzig, 1978. Рус. пер.: Аммиан Марцеллин. История. В 3-х тт. - Киев, 1906 - 1908. Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни. - 317, 303, 326 с. = 946 с.; Аммиан Марцеллин. Римская история. - СПб.: Алетейя, 1994. - 578 с. (переизд. 1996 и др. стереотипно).

3. Аппиан. Римская история. *Appiani Historia Romana* / Ed. P. Viereck, A.G. Roos, E. Gabba. Lipsiae: In aedibus W.C. Teubneri, 1962. Аммиан Марцеллин. Римская история. Пер. С. Кондратьева - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/appian/> (Дата обращения - 10.03.2018).

4. Веллей Патеркул. *Velleus Paterculus Historiae Romanae* / Ed. Halm. Leipzig, 1876. Веллей Патеркул. Римская история. А. И. Немировский, М. Ф. Дашкова — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 211 с. - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1425001000> (Дата обращения - 12.04.2018).

5. Вергилий. *Virgil Eclogues. Georgics. Aeneid* / A. Forbiger, 1873. Вергилий. Энеида. Буколики. Георгики Москва, 1979. Перевод с латинского С. В. Шервинского - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1375100001> (Дата обращения - 12.03.2018).

6. Гораций. *Noratius Carmina. Epodi* / Ed. T. Babington. 1881. Гораций. Римские оды - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/horatius/index.htm> (Дата обращения - 11.03.2019).

7. Децим Юний Ювенал. *Juvenalis. Satires*. // «Loeb classical library» - URL: <https://www.loebclassics.com>. Ювенал Сатиры. / Перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского. - М.-Л, 1937. - 158 с.

8. Дионисий Галикарнасский. *Dionusios o Alikaarnasseus. Antiquitatum Romanarum* // «Loeb classical library» - URL - <https://www.loebclassics.com>.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности Перевод И.Л. Маяка. – М., 2005. – 872 с.

9. Дион Кассий. *Cassius Dio. Roman History* - URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Cassius_Dio. Дион Кассий. Римская история / Пер. с англ. С. Э. Таривердиевой и О. В. Любимовой. - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1340546952> (Дата обращения - 12.03.2018)

10. Ливий Тит. *Tit Livi ab urbe condita libre* / Ed W. Weissenborn, Lipsiae, 1871—1878 Ливий Тит. Римская история от основания города. Полное издание в одном томе / Пер. с лат. - М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014. - 1290 с.

11. Марциал Марк Валерий. *Marcus Valerius Martialis. V.1-3* // Loeb Classical Library URL - <https://www.loebclassics.com>. Рус. пер.: Марк Валерий Марциал. Эпиграммы / Перевод Ф. А. Петровского. - СПб.: КОМПЛЕКТ, 1994. – 450 с.

12. Овидий. *Ovid amoris scientiam.* // Loeb Classical Library URL - <https://www.loebclassics.com>. Овидий. Наука любви / Пер. и комментарий М. Л. Гаспарова - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1303674101> (Дата обращения - 12.03.2018).

13. Октавиан Август. *Augustus. Res gestae divi Augusti* / Ed. Gaje J. Paris. 1935. Октавиан Август. Деяния божественного Августа - URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1316006572> (Дата обращения - 12.04.2015)

14. Петроний Арбитр. *Petronius.Satyricon* // The Libraries of the University of Toronto. Петроний Арбитр. Сатириконт. // Римская сатира / Перевод А. К. Гаврилов, Б. И. Ярхо. – М., 1989. – 544 с.

15. Плиний Младший. *Plinius litteris* // Loeb Classical Library URL - <https://www.loebclassics.com>. Плиний Младший Письма / Пер. М. Е. Сергеенко (кн. I—VI, X), А. И. Доватура (кн. VII—IX), В. С. Соколова («Панегирик Траяну»). – М.-Л., 1950. – 926 с.

16.Плутарх. *Plut. Vitae parallelae*// Loeb Classical Library URL - <https://www.loebclassics.com>. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги / Пер. с древнегреч. - Сост. С.Аверинцев, вступ. статья А. Лосева, коммент. А. Столярова. - М., 1998. - 672 с.

17. Светоний. *Suet De XII caesaribus* Loeb Classical Library URL - <https://www.loebclassics.com>. Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей/ Перев. с лат., пред. и прим. М.Л. Гаспарова; Статьи М.Л. Гаспарова и Е.М. Штаерма; Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С.Н.Кондратьева; Послесл. М.Л. Гаспарова; Примеч. А.И. Любжина и О.Д. Никитского. - М.: Ладомир, АСТ, 2000. - 944 с.

18. Тацит. *Cornelii Taciti Annalium* / Ed. K. Nipperdey. Berlin, 1904. Тацит. *Анналы*; История [пер. с лат. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе]. – М.: Эксмо, 2012. – 896 с.

II. Литература

1. Абрамзон, М.Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики / М.Г. Абрамзон. - Магнитогорск, 1995. - 150 с.
2. Алаев, Л. Б. Империи и имперские идеологии в древности / Л.Б. Алаев // Восток. 1997. №1. - URL: http://www.socionauki.ru/authors/alaev_1_b/ (Дата обращения - 02.03.2018).
3. Алмонд, Г. Гражданская культура, Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли. Т.2 - М., 1997- С. 594-617
4. Ахиев, С.Н. *Clementia Caesaris*: сущность, причины, цели // Античный мир и археология. - Вып. 11. – Саратов: 2002. - С. 71-80. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1286994225> (Дата обращения - 03.03.2018)
5. Барри, Дж. М. *Fides* в "Гражданской войне" Юлия Цезаря: Исследования римской политической идеологии конца республиканской эпохи.

- URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1413290002> (Дата обращения - 12.04.2015).
6. Бирд, М. История Древнего Рима / М. Бирд – М.: Альпина, 2017 – 696 с.
 7. Боброва, Е.Ю. Основы исторической психологии / Е.Ю. Боброва – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 557 с.
 8. Вержбицкий, К.В. Традиционные формы общения у римлян и оппозиция Юлиам-Клавдиям. / К.В. Вержбицкий - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1386065904> (Дата обращения - 12.03.2018).
 9. Виппер, Р.Ю. Римская цивилизация. / Р.Ю. Виппер– Москва, 2017 – 416 с.
 10. Виппер, Р.Ю. Очерки истории римской империи. / Р.Ю. Виппер - М.: Государственное издательство, 1923. – 443 с.
 11. Галаганова, С. Учение Э. Винера о мифе как средстве массовой коммуникации // Теории, школы, концепции (критические анализы) / Художественная коммуникация и семиотика. М., 1986 – С. 124-138
 12. Гаспаров, М.Л.: Литература времени утверждения империи. / М.Л. Гаспаров — М.: Наука, 1983. — С. 453—467.
 13. Голикова, М.С. Трансформация концепта «верность» (fides) в древнеримской культурной традиции / М.С. Голикова - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/transformatsiya-kontsept-a-vernost-fides-v-drevnerimskoj-kulturnoj-traditsii> (Дата обращения 10.03.2018)
 14. Гримм, Э. Исследования по истории развития римской императорской власти. / Э. Гримм - Спб.: 1901.Т. – 466 с.
 15. Гуревич П. С. Социальная мифология / П.С. Гуревич - М.: Мысль 1983. – 175 с.
 16. Егоров А.Б. Культ личности и культ государства в религиозном почитании императоров I в. н.э. / А.Б.

- Егоров - URL:
<http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon/2004/egorov.htm#3>
(Дата обращения 15.03.2018).
17. Егоров, А.Б. Проблема титулатуры римских императоров / А.Б. Егоров // Вестник древней истории. - № 2, 1988. - С. 161-172. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1269500860>
(Дата обращения 11.03.2018)
18. Егоров, А.Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы) / А.Б. Егоров - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1376051918#n23>
(Дата обращения - 11.03.2018).
19. Еремин, А. В. Диктатура Луция Корнелия Суллы. Характеристика института / А.В. Еремин // Сборник научных статей. Под редакцией профессора Э.Д. Фролова - СПб.: 2002 - С. 115—124 – URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/20021/eremin.htm>
(Дата обращения 13.03.2018)
20. Интеллектуальные традиции Античности и Средневековья / Под ред. М. С. Петровой и Л.П. Репиной. – М., 2010. – 736 с.
21. Карсон, Р.А. Цезарь и монархия / Р.А. Карсон - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1283152576> (Дата обращения - 20.03.2018).
22. Кивни, А. Кто такие сулланцы? / А. Кивни - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1311965296#sel=> (Дата обращения: 04.04.2015).
23. Кнабе, Г. С. Рим Тита Ливия — образ, миф и история Тит Ливий. История Рима от основания города. / Г.С. Кнабе - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1366399837> (Дата обращения - 10.03.2018).
24. Кнабе, Г. С. Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи. / Г.С. Кнабе - М.: 1983 - 208 с.

25. Кнабе, Г.С. Диалектика повседневности. Материалы и лекции по истории культуры и культуры античного Рима. / Г.С. Кнабе – М., 1994. – 56 с.
26. Ковалев, С. И. История Рима. Курс лекций. / С.И. Ковалев – Л., 1986. – 744 с.
27. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. / И.Д. Ковальченко - М.: Наука, 1987. — 440 с.
28. Колобов, А.В. Этапы развития "римского мифа" / А.В. Колобов - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1280142572> (Дата обращения - 12.03.2018).
29. Короленков, А.В. Память о республике (о недавней книге Э.М. Гоуинга) / А.В. Короленков - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1321199433> (Дата обращения - 5.03.2018).
30. Кулаковский, Ю.А. Вновь открытая присяга на имя Августа- URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1403376232> (Дата обращения - 17.03.2018).
31. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. –М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.
32. К вопросу о динамике в сфере брачно-семейных отношений в Риме имперского периода // Общество. Гендер. История: сборник статей и тезисов докладов VI международной научной конференции. Декабрь 2014. – Липецк, изд-во «Гравис», 2014. – С. 62-68. – URL: https://elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Felibrary%2Eru%2Fitem%2Easp%3Fid%3D24641427 (Дата обращения 18.03.18)
33. Литовченко Е. Отражение концепции «Aeternitas Romae» в трудах позднелатинских авторов // Научные

- ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. - №22 (165). - Вып. 28. - Белгород, 2013. - С. 35-41. - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-kontseptsii-aeternitas-romae-v-trudah-pozdnelatinskih-avtorov> (Дата обращения - 02.03. 2018).
- 34.Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству / «Пролетарская революция», № 3, 1939 – С. 150-186.
- 35.Махлаюк, А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского / А.В. Махлаюк. – 2014. - №1(1). – С. 288-299. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rimskiy-patriotizm-i-kulturnaya-identichnost-v-epohu-imperii> (Дата обращения 14.03.2018)
36. Машкин, Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность / Н.А. Машкин - М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — 686 с.
- 37.Машкин, Н.А. История древнего Рима. / Н.А. Машкин - М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 612 с.
- 38.Межерицкий, Я.Ю. Клавдий: историк и император / Я.Ю. Межерицкий - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1322804744> (Дата обращения - 10.03.2018).
- 39.Межерицкий, Я.Ю. «Модели единоличного правления» в идеологии Раннего Принципата / Я.Ю. Межерицкий - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1321199433> (Дата обращения - 15.03.2018).
- 40.Межерицкий, Я.Ю. Поэзия и политика времени становления Принципата / Я.Ю. Межерицкий - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1343248076> (Дата обращения - 15.03.2018).
41. Моммзен, Т. История Рима. Том III. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. / Т. Моммзен - М.: Наука, 2005. - 432 с.

42. Немировский, А.И. История раннего Рима и Италии. / А.И. Немировский – Воронеж, 1962. – 303 с.
43. Немировский, А. И. История древнего мира: Античность: в 2 ч / А.И. Немировский – М.: Владос, 2000. – Ч. 1. – 926 с.
44. Нуруллаев, А.Н. Зарождение императорского Рима. Т.1 Причина римской революции. / А.Н. Нуруллаев - СПб.: РАСТ, СКЗЭО "Кристалл", 2013. - 624 с.
45. Нуруллаев, А.Н. Зарождение императорского Рима. Т.2 Революция - рубежи Милосердия. / А.Н. Нуруллаев - СПб.: РАСТ, СКЗЭО "Кристалл", 2013. - 664 с.
46. Парфенов, В.Н. К проблеме преемственности европейской политике Августа и Тиберия. / В.Н. Парфенов - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1343248076> (Дата обращения - 1.03.2018).
47. Пиков, Г. Г. Исторические термины и историческая действительность (Империя как феномен европейской истории) // Гуманитарное образование в Сибири. - Новосибирск, 2000. - С. 103—121. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21178403> (Дата обращения 1.04.2018)
48. Свенцицкая, И. С. Культ императора в Римской державе от персонального обожествления к формальному культу носителя власти / И.С. Свенцицкая - URL: <http://www.ecclesia.relig-museum.ru/Researches/sept/svenz2006.htm> (Дата обращения - 21.03.2018).
49. Сергеев, Д.Д. Представления о государстве и государственной власти римских писателей эпохи Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник науч. статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. Под ред. д-ра ист. наук. И. Я. Фроянова. - СПб.: 1998. - С. 294—308. – URL:

- <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1341115931> (Дата обращения – 2.04.2018)
- 50.Сергеев, В.С. Принципат Тиберия / В.С. Сергеев - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1377237662> (Дата обращения - 7.03.2018).
51. Смышляев, А. Л. Характер принципата / А.Л. Смышляев - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1293446283> (Дата обращения - 9.03.2018).
52. Тойнби, А. Постижение истории. Универсальные государства как цели. / А. Тойнби - URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_t/toinby_hyst402.html (Дата обращения: 19.03.2018).
53. Токарев, А.Н. К вопросу о трансформационной политике Октавиана в сфере идеологии в 36 г. / А.Н. Токарев - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1362261270> (Дата обращения - 12.03.2018).
54. Токарев, А. Н. Трактровка понятий «традиционализма» и «республиканизм» в современной историографии в связи с формированием официальной идеологии раннего Принципата в эпоху императора Августа. / А.Н. Токарев - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1472823091> (Дата обращения - 12.03.2018).
55. Утченко, С. Л. Политические учения древнего Рима. / С.Л. Утченко - 1977 – 257 с.
56. Утченко, С.Л. Юлий Цезарь. / С.Л. Утченко - М.: Мысль, 1976. - 366 с.
57. Ферреро, Г. Величие и падение Рима. / Г. Ферреро – СПб.: Наука, 2016 – 480 с.
58. Фрибус, Т. Ю. Юлии-Клавдии глазами римлян и варваров. / Т. Ю. Фрибус - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1472823091>

- (Дата обращения - 13.03.2018).
59. Фридендер, Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов / Перевод Ф. Зелинского. – Санкт-Петербург, 1914. – 384 с.
60. Фромм, Э. Бегство от свободы. - / Э. Фромм - М.: АСТ, 2014. – 571 с.
61. Фюстель де Куланж. Гражданская община древнего мира, 1906. – 459 с.
62. Чернышов Ю.Г. К вопросу о содержании «государственной» идеологии в Римской империи. - / Ю.Г. Чернышов - URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/chernysh.htm> (Дата обращения - 19.03.2018).
63. Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме: В 2 ч. Ч. 1: До установления принципата. Изд. 2-е, испр. и доп. — Новосибирск, изд-во Новосибирского ун-та, 1994. - 176 с.; Ч. 2: Ранний принципат. Изд. 2-е, испр. и доп. — Новосибирск, изд-во Новосибирского ун-та, 1994. - 167 с.
64. Шалимов, О.А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в сер. I – нач. II вв. н.э. / О.А. Шалимов. – М.: ИВИ РАН, 2000. – 186 с.
65. Шифман И. Ш. Цезарь Август / И.Ш. Шифман - URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/100237/Shifman_-_Cezar'_Avgust.html (Дата обращения - 10.03. 2018).
66. Шкуратов В.А. Историческая психология. / В.А. Шкуратов - М.: Смысл, 1997. – 505 с.
67. Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи / Е.М. Штаерман - М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. - 320 с.
68. Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. / Е.М. Штаерман - М.: Наука, 1987 - 324 с.

- 69.Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима, т. 1, М.: 1985 – 595 с.
70. Штаерман Е.М. Римская мифология. / Е.М. Штаерман Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев.— М.: «Советская энциклопедия», 1982. Т. II, с. 380—384. – URL: <http://ancientrome.ru/religia/rome/roman-mythology.htm> (Дата обращения 12.04.2018)
- 71.Arnason J.P. The Roman Phenomenon: State, Empire, and Civilization // The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives / Ed. J.P. Arnason and K. Raaflaub. - Chichester, 2011. – 179 p.
- 72.Desideri P. Roma e la Grecia: una cultura per due popoli // Studi Ellenistici. - 2003. - Vol. 15. – P. 229-243
- 73.Friedlaender D. S. G. R. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit vom August bis zum Ausgang der Antonine. (6 Ausg.). - Leipzig, 1888 – 586 p.
- 74.Gowing A. Empire and Memory. Representation of the Roman republic in Imperial Culture. Cambr., 2005. – 178 p.
- 75.Grant M. From imperium to auctoritas. A Historical Study of the Aes Coinage in the Roman Empire 49 B. C. — 14 A. D. Cambr., 1946; Magdelaine A. Auctoritas principis. P., 1947. – 510 p.
- 76.Gruen E.S. Cultural Fictions and Cultural Identity // Transactions of the American Philological Association. - 1993. - Vol. 123. - No 3. - P. 1-4.
- 77.Hingley R. Cultural diversity and unity: Empire and Rome // Material Culture and Social Identities in the Ancient World / Ed. by Shelley Hales, Tamar Hodos. - Cambridge, 2009. – P. 54-75
- 78.Millar F. The fiscus in the first two centuries // J. of Roman studies №56, 1963. - 29-42 P.
- 79.Moatti Cl. Translation, Migration, and Communication in the Roman Empire // Classical Antiquity. - 2006. – P. 157-170

- 80.Momigliano A.D. *The Classical Foundations of Modern Historiography* / Ed. A.M. Meyer. - Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1991. - P. 107-118.
- 81.Parking, Tim G. *Old Age in the Roman World: A Cultural and Social History* / Tim G. Parking. – The Johns Hopkins University Press, 2004. – 520 p.
- 82.Revell L. *Roman Imperialism and Local Identities*. - Cambridge, 2008. - 221 p.
- 83.Smith Ch. E. *Tiberius and the Roman Empire*. P. 223. Wirszubski Ch. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambr.: 1950. – 350 p.
- 84.Syme. R.*Roman Revolution*. Oxford. 1939 – 568 p.
- 85.Pflaum H. G. *Principes de l'administration romaine imperiale* // Bull. de la Fac. de lettres de Strasbourg. — 1958. — 190-199 p.
- 86.Wirszubski Ch. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambr., 1950. – 182 p.